ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ,

ИЛИ

СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ,

МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ.

СОЧИНЕНІЯ Г. ГІОЛЬЕТТА.

Переведены съ Французскаго языка.

ТОМЪ IV.

Изданіе третіе.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
1788.

ВЕЧЕРЪ LIX.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Естьли Губернаторъ Бравскій согласился на предложенное Маргоною, то и я тѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ, потому что сей срокъ подавалъ мнѣ время расположиться такимъ образомъ, чтобы Альманонъ не возъимѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. И такъ я съ прекрасною моею вдовушкою былъ зрителемъ не большаго представленія, производимаго невольниками нашего господина; оное соединено было съ танцованіемъ и пѣніемъ, и всѣ актеры играли довольно изрядно. По окончаніи сего увеселенія Альманонъ напомнилъ Маргонѣ о данномъ ею обѣщаніи, и она отвѣтствовала ему, что повелѣнію его повинуется. По томъ сказавъ мнѣ, *поспомни, любезный другъ!* говорила Губернатору такъ: простите, государь! произнесеніе сихъ прелестныхъ словъ; я деверя моего всегда такъ называла при жизни моего покойнаго супруга. Приведи себѣ на память, подхватилъ я, то нѣжное любовное произшествіе, которое мы неоднократно представляли, и которое слѣдующаго содержанія: Мирцу, молодую вдову, проситъ одинъ Офицеръ войскъ Короля Явскаго вытти за него за мужъ; она находитъ въ Гиндбадѣ (такъ имя ея любовника) всякое достоинство; но какъ первый свой бракъ препроводи-

водила въ неудовольствіи и скукѣ, и точно увѣрена, что мало такихъ мущинъ находится, кои бы къ женамъ своимъ обѣщанное снисхожденіе и ласки имѣли: то предлагаетъ ему исполнить два самые странные опыта. Тогда Маргона подъ именами Мирцы и Гиндбада, разсказавъ подробно всѣмъ при томъ бывшимъ о всѣхъ приключеніяхъ, даже и о послѣднемъ ея мнѣ посѣщеніи въ мужскомъ платьѣ во дворцѣ Султанскомъ, о опасности, въ которую жизнь ея ввергалась упорствомъ въ моемъ молчаніи, о необходимости объявить Визирю о своемъ полѣ; о любви, имъ къ ней возчувствованной, о ея похищеніи, и какимъ образомъ сей недостойный Министръ произенъ былъ множествомъ ударовъ, когда на корабль его морскіе разбойники напали. Мирца, продолжала она, по нѣкоторому маловажному случаю находитъ Гиндбада, спустя по томъ два года на островѣ Цейлонѣ, не можетъ сперва воздержаться, чтобы не изъявить своей радости отъ сего свиданія; а разсудя, что онъ былъ причиною всѣхъ ея нещастій, дѣлаетъ ему наижесточайшіе выговоры сими словами. Тогда Маргона, играя свою роль тѣмъ живѣе, что почитая себя въ самомъ дѣлѣ справедливою на меня жаловаться, чинила мнѣ подъ именемъ Мирцы толь чувствительные выговоры за упорность мою въ наблюденіи молчанія, и описала мнѣ столь живо то плачевное состояніе, въ которое тѣмъ была приведена, что все собраніе не могло отъ слезъ воздержаться. Что же до меня касается, то я, будучи предметомъ сихъ укоризнъ, былъ оными толь много тронутъ,

что не знаю, какимъ образомъ непритворное и ревностное мое предъ нею извиненіе, подъ именемъ Гиндбада, не отверзло Губернатору очи. Для оправданія себя въ обвиняемомъ ею меня проступкѣ показалъ я ей въ короткихъ словахъ толь ясное изображеніе всего мною отъ своенравія ея претерпѣннаго, и сколь много заслуживаю я извиненія, когда, не зная мерзостнаго злодѣйства Визирева, не склонился на ея прошенія, что принудилъ ее признаться, что всему она виновна, и что мнѣ иначе поступить никоимъ образомъ не можно было безъ опасенія лишиться на вѣкъ ея любви и награды за всѣ мои труды и старанія; по томъ разсказалъ ей о моихъ поступкахъ послѣ ея отбытія, о средствахъ, предпріятыхъ мною къ отнятію ея у Визиря; изъявлялъ ей, сколь велико для меня то благополучіе, что по кораблекрушеніи прибитъ я къ острову Цейлону, гдѣ чуть было не лишился жизни, нашедъ ее тамъ живую, уже не во власти мерзскаго Визиря, и въ состояніи ѣхать со мной обратно въ Яву, гдѣ, льщусь, увѣнчаетъ она мое къ ней постоянство.

Сколь краснорѣчива бываетъ любовь, милостивыя государыни! въ таковыхъ случаяхъ! продолжалъ Катифей: сколь хорошо сыгралъ я мою роль, описывая подъ именемъ Гиндбада самыми прекрасными и естественными красками все претерпѣнное мною для Мирцы въ прошедшіе два года моего искуса; удивительныя сраженія, изъ коихъ выходилъ я всегда побѣдоносимъ; жестокую печаль, чувствуемую мною,

когда узналъ о ея похищеніи; ту ярость, которою воспламененъ я былъ на ея хищника; описывая все сіе, говорю я, производилъ я въ сердцахъ зрителей нашихъ разныя движенія съ таковымъ успѣхомъ, что они, тронуты будучи жалостію, проливали великія слезы о моихъ нещастіяхъ, кои выдуманными почитали, и проклиная память невѣрнаго Визиря, похваляли насъ всѣ чрезмѣрно при окончаніи сего явленія, которое, увѣнчавъ терпѣніе и вѣрность нѣжнаго Гиндбада, по таковыхъ препонахъ въ его любви, полагало щастливымъ бракомъ въ объятіяхъ своей любезной скончаніе всѣхъ его нещастій.

Хотя Альманонъ и чрезмѣрно похвалялъ представленіе наше, и въ примиреніи Мирцы съ Гиндбадомъ великое находилъ удовольствіе; однако живость и сходственность, съ каковыми представляли мы приключенія сихъ двухъ любовниковъ, произвели въ немъ по видимому не малое безпокойство, что и оправдало вскорѣ по томъ учиненный его съ нами поступокъ.

Представленіемъ нашимъ комедіи казался онъ быть весьма довольнымъ; и потому желалъ, чтобы во время банкета, который намѣрился онъ дать при бракѣ своего сына, и мы къ умноженію веселія все свое искусство употребили. Приказалъ мнѣ выбрать по моему произволенію матерію къ театральному представленію; и я вздумалъ сочинить такое, въ которомъ бы могъ увѣрить мою прекрасную вдовушку, сколь много я надѣюсь вывести ее изъ неволи. Месри мнѣ уже открылся, что въ Бравѣ на-

нашелЪ онЪ одного богатаго Аденскаго купца, который вЪ разсужденiи производимаго имЪ вЪ семЪ городѢ знатнаго торгу имѢлЪ вЪ тамошней гавани свой корабль, и что онЪ, разсказавЪ ему о нашемЪ состоянiи, склонилЪ его посредствомЪ обѢщаннаго великаго награжденiя для нашего освобожденiя на все отважиться. И такЪ необходимо нужно было увѢдомить о томЪ Маргону, дабы она для того справедливыя приняла мѢры; и какЪ ни малой не было надежды, чтобы ГубернаторЪ согласился взять за насЪ выкупу, то почиталЪ я за должность наставить ее посредствомЪ странной какой выдумки, какимЪ образомЪ надлежитЪ ей поступить, чтобы уйти изЪ Альманоновой серали.

Ночь, назначенная для торжествованiя брака младаго нашего господина, казалась мнѢ весьма способною кЪ произведенiю намѢренiя моего вЪ дѢйство. Между явленiями, вЪ которыя долженЪ я былЪ играть сЪ Маргоною, ввелЪ я такое, вЪ которое Маргона, переодѢвшись вЪ мужское платье, долженствовала получить письмо, посредствомЪ коего и всему представленiю надлежало кончиться; но какЪ я могЪ сЪ нею говорить только вЪ присутствiи Губернатора, то не старался я вЪ представленiи нашемЪ изЪяснить ей наши намѢренiя; а отложилЪ то до нашего отЪѢзда, которой казался мнѢ тѢмЪ легче, что вЪ таковомЪ смятенiи, каковое долженствовало произойти отЪ великаго торжества и отЪ комедiи, льстился я надеждою, что способно уйти можемЪ, не будучи вЪ поступкахЪ

нашихъ никѣмъ надсматриваемы; и такъ помышлялъ только о исполненіи предпріятаго мною съ Месріемъ и купцомъ Аденскимъ.

Наконецъ насталъ день сей церемоніи; торжество было совершенное; невольники представляли свое игрище прекрасно; плясаніе и пѣніе были прелестны; игранная мною и Маргоною комедія понравилась Губернатору чрезмѣрно; однимъ словомъ, все приводило въ восхищеніе, даже и окончаніе нашей комедіи; но когда подъ тѣмъ видомъ, будто подалъ ей принадлежащее къ той матеріи письмо, вручилъ я ей извѣстіе, какимъ образомъ должна она притти ко мнѣ по окончаніи веселій, дабы бѣгствомъ избавиться отъ неволи: то Альманонъ, подозрѣвая нашъ поступокъ, вскочилъ вдругъ съ своего мѣста, выдернулъ у ней изъ рукъ мое письмо, и въ ту минуту, познавъ нашу хитрость, взошелъ онъ въ толь сильный гнѣвъ, что, обнажа свою саблю, бросился на меня съ тѣмъ, чтобы лишить меня жизни.

Какъ въ комедіи былъ я вооруженъ, то началъ тогда защищаться; но не съ тѣмъ, чтобы поразить Альманона, котораго бы конечно лишилъ легко жизни, естьли бы только имѣлъ къ тому желаніе, а единственно для отведенія его ударовъ. Онъ примѣтилъ, сколь много я его берегу въ толь отчаянномъ случаѣ; почему, оставивъ свое на меня ожесточеніе, вложилъ въ ножны саблю, и повелѣлъ своимъ невольникамъ взять меня подъ караулъ, угрожая мнѣ лишить жизни жесточайшими казнями, когда не положу оружія.

ВЕЧЕРЪ

ВЕЧЕРЪ LX.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Видя себя въ несостояніи толь великому числу невольниковъ сопротивляться, бросилъ я саблю мою къ ногамъ Альманова: жизнь моя въ твоихъ рукахъ, сказалъ я ему; но ты не имѣлъ бы сего права, когда бы я хотѣлъ на животъ твой покуситься; я чтилъ тебя всегда, какъ настоящаго моего господина, будучи притомъ точно увѣренъ, что ты, скончая первыя движенія своего на меня гнѣва, отдашь должную мнѣ справедливость, и что сколь бы ни великую склонность ощущалъ ты къ Цобейясѣ, не похочешь терзать двухъ сердецъ, соединенныхъ уже давно неразрывнымъ союзомъ. Только смерть единая разлучить насъ можетъ; скажи, сколько тебѣ надобно за насъ выкупу, я заплачу тебѣ оный въ скоромъ времени. Но знай, что естьли, поступя противъ всѣхъ законовъ человѣчества и чести, употребишь ты неограниченную власть твою надъ нами: Султанъ Аденскій, котораго я Верьховный Визирь, и которому уже состояніе наше извѣстно, придетъ самъ отмстить смерть мою, и разруша до основанія сей городъ, повелитъ тебя лишить жизни мучительственнѣйшими казнями.

Альманонъ, ослѣпленный еще своею яростію, воображая себѣ, что сказанное мною было слѣдствіемъ открытаго имъ въ письмѣ моемъ обмана, называлъ меня поноснѣйшими именами.

Подлый невольникъ! сказалъ онъ мнѣ, къ дерзости своей присоединяешь ты еще и угрозы. Изрядно! я научу тебя, какимъ образомъ надъ господиномъ твоимъ насмѣхаться и злоупотреблять милостями, которыя тебѣ я всегда оказывалъ; дерзновенныя твои рѣчи меня не устрашаютъ, я знаю Аденскаго Султана, я его почитаю; и сколь онъ ни силенъ, однако его не боюсь ни мало, поележе онъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ правосудіе наблюдаетъ; и такъ трепещи отъ пріуготовленія казней, опредѣляемыхъ мною тебѣ за измѣну и мерзостный обманъ твой. По семъ повелѣлъ онъ заключить меня до утра въ темницу подъ крѣпкую стражу.

Невольники приступали уже къ исполненію его повелѣнія, какъ Маргона, бросившись къ ногамъ его: государь! сказала ему, проливая горчайшихъ слезъ потоки, Мани тебя не обманываетъ; ты тронулся повѣствованіемъ нашихъ злополучій, когда подъ ложными именами мы оныя тебѣ представляли; не умножай же оныя еще болѣе такою строгостію, которую бы ты самъ проклялъ, естьли бы въ спокойнѣйшемъ находился состояніи, и желая самъ прежде, чтобы Катифе, подъ именемъ Гиндбада былъ спокойнымъ обладателемъ своей любезной, какъ можешь ты желать того, чтобы нещастная Маргона стала и нынѣ невинною причиною его смерти?

Какое сходство имѣютъ Маргона и Катифе съ происходящимъ въ сихъ мѣстахъ? сказалъ тогда Губернаторъ съ запальчивостію. Государь! продолжала прекрасная моя, я не Цобейяею

сою называюсь; родившись отъ нещастнаго отца, который при Аденскомъ дворѣ имѣлъ чинъ довольно знатный, лишилась я его по нещастію изгоненіями вѣроломнаго Визиря; для избѣжанія жестокихъ дѣйствій зависти сего злодѣя принужденъ онъ былъ изъ отечества своего удалиться, тому уже лѣтъ съ пятнатцать, имѣя съ собою одного сына, которому тогда лѣтъ двенатцать было; съ того плачевнаго времени одна изъ моихъ сестеръ и я, оставлены будучи у одной нашей сродницы, жили у ней подверженными разнымъ перемѣнамъ непостоянной фортуны. Увы! всѣ тѣ приключенія, которыя разсказали мы вамъ подъ ложными именами, не претерпѣла бы злощастная Маргона, естьли бы не лишена она была присутствія нещастнаго Абуріама ея родителя . . . . . Нещастнаго Абуріама? . . . . . Праведное небо! что начинаю я дѣлать! вскричалъ Губернаторъ. Ахъ! вотъ источникъ горячности, ощущаемой мною къ Цобейясѣ: поди ко мнѣ, дражайшая дщерь моя! поди ко мнѣ; познай въ своемъ господинѣ, познай въ немъ сего нещастнаго отца, котораго жестокосердіе Визиря Цальвона принудило Аденъ оставить. Я не только согласуюсь на бразъ твой съ вѣрнымъ Катифеемъ, который горячности твоей толь много достоинъ, и прошу его забыть суровый мой съ нимъ теперешній поступокъ; но прошу его еще и о подтвержденіи брака сына моего съ младою и прекрасною Каледою, его сестрою, которая, увезена будучи, тому лѣтъ съ десять, или съ двенатцать, изъ Адена, досталась мнѣ и съ своею кормилицею, коихъ купилъ я за нѣкоторую

сумму

сумму золотыхъ; и какъ скоро узналъ о ея произхожденіи, то, имѣя къ фамиліи ея особливую любовь и почтеніе, съ той же самой минуты опредѣлилъ ее для моего сына, и небо показало мнѣ, что на выборъ мой соизволяетъ, внуша прекрасной сей четѣ самыя нѣжнѣйшія чувствія другъ къ другу.

Никоимъ образомъ не возможно, великіе духи! изобразить то, сколь велико тогда было удовольствіе Маргоны, и въ коль неизреченное возхищеніе приведенъ я сталъ симъ толь благополучнымъ откровеніемъ! Для чувствованія сего надлежитъ въ одну минуту приведену быть въ жесточайшее отчаяніе и въ самое то же время въ самую совершенную радость. Пронзенъ будучи неописаннымъ милосердіемъ небесъ, бросился я къ колѣнамъ Губернатора, и лобызалъ ихъ съ величайшею горячностію: ахъ, государь! сказалъ я ему, какое благодареніе воздать я тебѣ долженъ! ты даешь мнѣ божественную Маргону: какое благополучіе можетъ для смертнаго быть больше! Ты достоинъ ее своимъ безпримѣрнымъ постоянствомъ, прервалъ мою рѣчь Абуріамъ, поднявъ меня: я не хочу отлагать твоего благополучія ни на одну минуту; и Иманъ, за которымъ отъ меня послано, придетъ увѣнчать подражанія достойную любовь твою.

Повелѣніе Губернаторово было исполнено вскорѣ, Иманъ пришелъ для отправленія нужныхъ церемоній, и остатокъ того вечера препроведенъ былъ въ таковой радости и въ такихъ увеселеніяхъ, каковыхъ никакъ описать

не

не возможно. Естьли я не велѣлъ привести въ Браву Маргону и меньшую ея сестру, сказалъ намъ Абуріамъ, то не подумайте, любезныя дѣти! чтобы горячность моя къ нимъ когда нибудь уменьшилась; я оставилъ ихъ на рукахъ такой сестры, которая меня горячо любила, которая, бывъ за двумя мужьями, дѣтей не имѣла, и посредствомъ коей производилъ я въ Аденѣ вѣрную переписку, не лишаясь надежды въ отечество свое возвратиться; одинъ только Цальвонъ служилъ тамъ для меня непреодолимымъ препятствіемъ, будучи любимцемъ верьховнаго Визиря, и стараясь и самъ получить сіе достоинство, заставляетъ меня дѣйствій ненависти его страшиться. Она подала ему средства къ моей погибели; она принудила меня къ произвольному изъ отчизны моей изгнанію, и только единая смерть его можетъ удовлетворить моему желанію узрѣть паки оную. Ахъ, государь! вскричала тогда Маргона, Визирь Цальвонъ былъ твой гонитель? ты намъ уже то обьявилъ; но состояніе, въ которомъ я теперь находилась, не дозволяло мнѣ прервать рѣчь твою; сей же самый мерзостный Цальвонъ и меня увезъ изъ Адена; онъ-то хотѣлъ меня отвести на островъ Цокстору, и угрожалъ мнѣ всякимъ мучительствомъ, желая склонить меня на удовлетвореніе звѣрской его страсти; но праведное небо, защищающее всегда невинность, до того не допустило; буря занесла насъ къ симъ берегамъ; жители сего города напали на нашъ корабль и завладѣли онымъ, пронзя сего злодѣйственнаго Визиря мучительски, который при семъ

случаѣ являлъ величайшее отчаяніе и ярость, и видя себя погибающа отъ множества непріятелей, уже поднялъ злодѣйскую свою руку, дабы принесть меня звѣрскому своему жестокосердію на жертву, какъ одинъ изъ воиновъ твоихъ отрубилъ ему голову, которая къ ногамъ моимъ упала. Цальвона, Государь! нѣтъ болѣе на свѣтѣ; Катифе любимецъ нашего Султана; онъ, какъ-то уже я тебѣ объявила, спасъ его по щастію въ одинъ день три раза отъ смерти, и сей великодушный Государь, истощевая къ нему всю свою благодарность, пожаловалъ его своимъ Верьховнымъ Визиремъ. Я увѣрена въ продолженіи ко мнѣ любви моего супруга; возвратись же, дражайшій родитель! въ Аденъ, Султанъ отдастъ невинности твоей справедливость, возвратитъ тебѣ все твое описанное въ казну имѣніе. Я примѣтилъ, что Абуріамъ, слушая повѣствованіе Маргоны, проливалъ слезы. Цальвона нѣтъ болѣе на свѣтѣ! вскричалъ онъ, восхищаясь радостію; небо наказало его за мерзостныя его преступленія. Ахъ, любезная дщерь моя! теперь-то всѣ мои нещастія окончились; я всегда пылалъ сильнѣйшимъ желаніемъ увидѣть паки мое отечество и дѣтей моихъ; случай сей подаетъ мнѣ теперь средство исполнить оное; я конечно возвращусь въ Аденъ. Государь! подхватилъ я тогда, возвратись туда раздѣлить со мною милость нашего Монарха; и мнѣ премудрые твои совѣты и искусство нужны, дабы наложенную имъ на меня должность могъ я подлежащимъ образомъ исполнить, и любви врученныхъ имъ мнѣ народовъ сдѣлаться достойнымъ.

Прежде

Прежде сего толь восхитительнаго разговора, который прерванъ былъ только приходомъ Имана, и прежде исполненной имъ въ разсужденіи насъ церемоніи, всѣ зрители были, такъ сказать, непоколебимы, страшась, чтобы явленіе не сдѣлалось и въ самомъ дѣлѣ кровопролитнымъ; но сей ужасъ миновался вскорѣ, и на мѣсто онаго вступила всеобщая радость; всюду видны были единыя лобызанія. Коледа восхищалась столь же много удовольствіемъ, нашедъ во мнѣ брата, возведеннаго на высочайшую степень достоинства, какъ и Маргона, увидѣвъ меня и познавъ, что рождена она отъ Бравскаго Губернатора; обѣ онѣ осыпали меня ласками поперемѣнно, и могу сказать, что во всю жизнь не вкушалъ я еще никогда толь чистыхъ и совершенныхъ удовольствій.

Какъ часъ къ разходу нашему приближился, то пошли мы въ отведенные для насъ покои, и тамъ-то въ бесѣдѣ возлюбленныхъ нашихъ супругъ препроводили мы пріятнѣйшія минуты; а особливо я, по претерпѣніи толикихъ бѣдствій и напастей.

Абуріамъ, препроводя дней восемь, или десять въ пиршествахъ, послѣдовавшихъ послѣ нашего брака, призвалъ насъ въ одинъ день къ себѣ въ кабинетъ, и объявилъ намъ, сколь великое желаніе имѣетъ онъ въ Аденъ возвратиться. Дражайшія мои дѣти! сказалъ онъ намъ, сколь ни нетерпѣливно хочу я отечество мое видѣть; однако не могу безъ опасности отсюда удалиться, естьли царствующій въ сихъ

мѣ-

мѣстахъ Султанъ объ отъѣздѣ моемъ увѣдаетъ; объявить же ему о томъ не могу, не подвергнувъ себя неизбѣжной погибели. И такъ для исполненія моего намѣренія вздумалъ я произвесть слѣдующее: пускай Месри повидается съ тѣмъ купцомъ, на чьемъ кораблѣ вы хотѣли отсюда отъѣхать; онъ еще здѣсь; пускай дастъ онъ ему столько денегъ, сколько онъ потребуетъ для искупленія изъ неволи тѣхъ, которые съ вами были, когда вы вольности лишились; я для того довольный достатокъ имѣю, и приказавъ переносить тайнымъ образомъ всѣ мои сокровища на одно судно, которое повелю вооружить хорошенько, можно намъ будетъ въ Аденъ возвратиться.

ВЕЧЕРЪ LXI.

Продолженіе приключеній Катифея и Мартоны.

Съ неописанною радостію внимали мы намѣренію Абуріама; онъ не терялъ времени къ исполненію своего предпріятія. И какъ скоро все приуготовлено было, то онъ, имѣя у себя болѣе сорока невольниковъ изъ разныхъ земель, повелѣлъ ихъ за часъ предъ своимъ отъѣздомъ призвать къ себѣ; друзья мои! сказалъ онъ имъ, будучи услугами вашими доволенъ, хочу вамъ доказать то самымъ дѣломъ; я ѣду въ Аденъ, куда меня важныя дѣла позываютъ; не знаю, возвращусь ли когда опять въ сіи мѣста. Естьли вы хотите за мною туда слѣдовать (ибо я объявляю вамъ, что вы съ сей минуты свободны): то я васъ туда отвезу, и тамъ подамъ

дамъ каждому изъ васъ средства возвратиться въ свое отечество. Невольники Абуріамовы бросились къ ногамъ толь милосердаго господина; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ остаться въ Бравѣ, и мы тотъ же часъ приказали имъ переносить всѣ наши сокровища на корабль, которой онъ повелѣлъ вооружить подъ тѣмъ видомъ, будто хотѣлъ послать оный для разъѣздовъ, и на которой Месри проводилъ при наступленіи ночи всѣхъ нашихъ соотчичей, кои въ полномъ вооруженіи были; и мы немедленно въ путь отправились въ провожаніи корабля, принадлежащаго Аденскому купцу.

Какъ время тогда было прекрасное, то путь нашъ былъ для насъ весьма благополученъ даже до острова Цокоторы, гдѣ вѣтръ вдругъ перемѣнился; мы плыли по морю въ не маломъ страхѣ; и сей вѣтръ, продолжаясь болѣе двухъ недѣль, удалилъ насъ совсѣмъ отъ нашей дороги, при которомъ случаѣ претерпѣли мы нѣсколько бурь, кои хотя и не весьма опасны были; однако въ крайнее безпокойствіе меня приводили, потому что дражайшей моей Маргонѣ сдѣлался отъ того припадокъ. Къ наивящшему моему злополучію въ одну весьма темную ночь сдѣлалась великая непогода; и я, идучи изъ кормы на носъ для нѣкотораго разпоряженія, сталъ вдругъ покрытъ превеликою волною, которая такъ сильно меня ударила, что я, не взирая на всѣ мои старанія, не могъ за корабль ухватиться, но повергся въ море; нѣсколько матросовъ подняли тогда превеликій крикъ, и я

думаю, что въ море брошены были веревки и доски, потому что темнота препятствовала видѣть предметы; я имѣю причину такъ думать, понеже выплывя поверьхъ воды, почувствовалъ у себя по бокамъ что то плавающее; я ухватился за оное, и плавая на сей доскѣ болѣе осьми часовъ, прибитъ былъ на мѣль; причемъ чувствовалъ въ себѣ только одну усталость, и горчайшею печалію терзался, воображая себѣ состояніе дражайшей моей супруги, когда она о нещастіи моемъ познаетъ. Вступя на берегъ, и взошедъ на пригорокъ, откуда могъ далеко видѣть, имѣлъ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что море утихло; а сіе заставляло меня надѣяться, что корабль, на которомъ толь драгоцѣнныя для меня особы находились, не претерпѣлъ никакого вреда, что перемѣнившійся по томъ вѣтръ конечно побудитъ ихъ въ Аденъ ѣхать. У меня было только золотыхъ съ тринатцать и нѣсколько подаренныхъ мнѣ Абуріамомъ алмазовъ. Я пошелъ вдоль по берегу, и часовъ чрезъ семь прибылъ я въ Дабулъ крайнѣ ослабленъ. Главное мое стараніе состояло въ томъ, чтобы навѣдаться, не отъѣзжаетъ ли какое судно въ Чермное море, и увѣдавъ, что одно отправляется въ Камбай, пріѣхалъ я въ сей городъ, гдѣ намѣрился дожидаться отъѣзда перваго корабля въ Аденъ, какъ не вѣдаю, какимъ образомъ пренесенъ я сталъ въ сіи прелестныя мѣста. Сдѣлайте со мною милость, великіе духи! узнавъ теперь отъ самаго меня о малѣйшихъ обстоятельствахъ моей жизни, усладите хотя нѣсколько мучительное прискорбіе

рыда-

рыдающей супруги о моей погибели, которую она конечно дѣйствительною почитаетъ; и понеже власть ваша не имѣетъ предѣловъ, когда благодѣтельствовать должно, то возвратите ей такого супруга, которой несноснѣйшею тоскою мучимъ, видя себя отъ нее отлученнымъ.

Султанши не могли повѣствованія Катифея и Маргоны слушать, не принявъ въ прискорбіяхъ ихъ должнаго участія. Онѣ изъявляли ему о томъ свою чувствительность, какъ Кофробъ, обратя къ нимъ рѣчь свою, сказалъ: недовольно того, чтобы сихъ нещастныхъ утѣшать едиными словами, надлежитъ имъ показать нашу власть самымъ дѣйствіемъ. Тогда, обратясь къ Катифею, Государь! продолжалъ онъ, столь ни много тронута Маргона твоею разлукою; однако она подкрѣпляется всегда надеждою, что ты не погибъ между волнами. Мы объявили ей о томъ во снѣ, и она въ сей истиннѣ столь много удостовѣрена, что проѣхавъ множество гаваней для соединенія паки съ тобою, приступаетъ уже къ той минутѣ, въ которую тебя увидитъ. О премудрый старецъ! вскричалъ Катифей возхищенъ радостію, ты возвращаешь мнѣ жизнь. Возможно ли, чтобы увидѣлъ я вскорѣ божественную мою Маргону? Толь чудесное благополучіе превыше всѣхъ надеждъ моихъ. Простите мнѣ сіе сомнѣніе, великодушные духи! я не могу имѣть онаго о вашей власти. Пренесеніе мое въ сіи прелестныя мѣста должно внушить мнѣ, что для васъ нѣтъ ничего невозможнаго; но Маргона воздыхаетъ отъ меня въ удаленіи, и я стенаю во отсутствіи сей прекрасной супруги, которую обожаю.

Нетерпѣливость твоя справедлива, сказалъ тогда Кофробъ; она удовлетворится вскорѣ. Изрядно, Государь! тотчасъ увидишь сію супругу, которая единый предметъ всѣхъ твоихъ желаній представляетъ, и коей горячности достоинъ ты толь справедливо; она властію моею пренесена теперь въ сіи мѣста съ Абуріамомъ, Каледою и ея супругомъ. Тогда по повелѣнію Имана отворились двери въ залъ, и прекрасная Маргона, вошедъ въ оный, и увидѣвъ Катифся, побѣжала въ его объятія, не примѣчая ни тѣхъ особъ, которыя въ ономъ были, ни великолѣпія сего мѣста. Дражайшій свѣтъ моей жизни! сказала она ему, я тебя обрѣтаю, когда уже тебя волнами поглощеннна почитала. Ахъ! сколь много терзалось мое сердце съ плачевной нашей разлуки! сколько слезъ о тебѣ я проливала! Нѣтъ, безъ дражайшаго моего родителя и безъ любви достойной сестры твоей не могла бы конечно ни одной прожить минуты послѣ того случившагося съ тобою нещастія, котораго уже ничѣмъ отвратить не уповала. Великій Пророкъ! ты только одинъ могъ имъ внушать убѣдительныя причины ко остановленію моего отчаянія; ты подалъ мнѣ особливымъ своимъ меня защищеніемъ знаки твоего милосердія. Онъ только, дражайшій мой супругъ! могъ укротить жестокость моихъ злополучій; онъ привелъ насъ въ сіи прелестныя мѣста недовѣдомыми намъ путями. Какое благодареніе должно ему воздать за толикія благодѣянія, когда по его повелѣнію пріѣхала я съ Абуріамомъ и дѣтьми его въ караванъ-сераль Камбайскій! Мы прибыли въ оный сего утра, и тамошъ-

тамошній начальникЪ принялЪ насЪ со всевозможною ласкою и вѣжливостію.

По описанію о тебѣ нашему увѣрилЪ онЪ насЪ, что ты былЪ вЪ ономЪ караванЪ-сералѣ тому недѣли съ три, и препроводилЪ тамЪ только одну ночь вЪ великомЪ безпокойствѣ; и что ты хотя объявилЪ ему свое намѣреніе дождаться отъѣзду одного корабля, которой чрезЪ нѣсколько недѣль долженЪ былЪ вЪ Чермное море отправиться; однако по видимому перемѣнилЪ свое предпріятіе, понеже на другой же день поутру оставилЪ караванЪ-сераль, не сказавЪ ему о своемЪ пути и сЪ нимЪ не простясь. Твой отъѣздЪ тронулЪ меня чрезвычайно, и я изъявляла ему чувствуемое мною отЪ того прискорбіе, какЪ одинЪ молодый человѣкЪ, находившійся сЪ нами вЪ комнатѣ, и которой казался намЪ торговцомЪ драгоцѣнными каменьями, приставЪ кЪ нашему разговору: Государыня! сказалЪ мнѣ, естьли вы хотите знать теперь, гдѣ находится любимый вами предметЪ, то я сыщу вамЪ вЪ Камбаѣ старуху, которая скажетЪ вамЪ о немЪ настоящую истинну, и можетЪ сдѣлать для васЪ еще нѣчто болѣе сего.

Толь пріятное обѣщаніе меня возхитило отЪ радости. Я просила его привести кЪ намЪ сію старуху; онЪ кЪ ней пошелЪ, и спустя нѣсколько минутЪ, возвратился кЪ намЪ сЪ нею, и она посмотрѣвЪ вЪ свою книгу, изписанную непонятными для насЪ фигурами, сказала мнѣ: ты найдешь своего супруга, прежде нежели утренняя заря покажется, и возвратишь ему совершенную ра-

радость, которой лишено его сердце. Естьли же я не говорю тебѣ истинну, то великій нашъ Пророкъ да отниметъ у меня языкъ на вѣки. Хотя я и мало вѣроятности во обѣщаніяхъ сей старухи находила; однако оныя были для меня весьма лестны, и я тронулась ими чрезвычайно.

Радость, изъявляющаяся во очахъ моихъ, показывалась во всѣхъ моихъ поступкахъ. Мы оставили сію старуху съ нами ужинать; вино ее развеселило; она забавляла насъ разными шуточными повѣствованіями, которыя столъ нашъ дѣлали весьма пріятнымъ; но не могу сказать того, какимъ образомъ оной кончился, и намъ безъизвѣстно, какимъ случаемъ пренесены мы въ сіи прелестныя мѣста, гдѣ вижу исполненіе предсказаннаго мнѣ сею божественною старухою.

Неоцѣненная Маргона! вскричалъ Катифей, какое благодареніе должны мы воздать нашему Посланнику Божію за всѣ оказанныя имъ къ намъ милости? Знай, что и вы также, какъ и я, пренесены въ одну минуту въ сіе жилище Перицовъ; что сіи благотворные духи, повинуясь повелѣніямъ нашего Пророка, исполнили съ нами его опредѣленіе, и что имъ не можемъ мы оказать довольно благодарности. Мы требуемъ только единаго чистосердечія отъ всѣхъ тѣхъ, коихъ одолжаемъ, прервалъ Кофробъ; драгоцѣнность сердецъ вашихъ намъ извѣстна, и сіе составляетъ все наше удовольствіе. И зная, съ какою нетерпѣливостію Аденскій Султанъ ожидаетъ Абуріяма, и что сей премудрый Визирь долженъ желанію его соотвѣтствовать, то вско-

рѣ приведемъ васъ въ состоянie его удовольствовать; но по претерпѣнiи таковыхъ безпокойствъ имѣете вы въ отдохновенiи нужду; васъ отведутъ въ особливыя комнаты, гдѣ можете препроводить ночь въ покоѣ.

Абурiамъ, сынъ его и Каледа приведены были всемъ тѣмъ, что съ прибытiя ихъ въ караванъ-сераль съ ними произходило, въ толикое удивленie, что почти стояли непоколебимы. Поблагодаря всѣ они мнимымъ духамъ, пришли въ назначенное для нихъ мѣсто и нашли тамъ всякiя прохлажденiя толь вкусныя, что не могли насытиться оными прежде преданiя себя въ объятiя сна. Какъ по повелѣнiю Кофробову примѣшенъ въ оныя былъ буенгъ, то чуть только они заснули, Принцъ Ширинъ, пользуясь симъ случаемъ, приказалъ опредѣленнымъ къ таковымъ дѣйствiямъ невольникамъ ихъ взять и отнести на шлюпку, которую они по повелѣнiю его къ кораблю Абурiамову привязали, послѣ чего во дворецъ паки возвратились. Легко можно познать, въ какое удивленie приведены были сiи пять человѣкъ, пробудясь поутру отъ глубокаго своего сна! Будучи удостовѣрены въ дѣйствительности всего съ ними произшедшаго, взошли они на свой корабль, и отпустя шлюпку къ берегу, воспользовались благополучнымъ вѣтромъ для возвращенiя въ Аденъ.

Гузаратскiя Султанши были тронуты окончанiемъ сего повѣствованiя; и не примѣчая всего говореннаго и исполняемаго Кофробомъ, думали, что сей великiй мужъ, увѣдавъ отъ началь-

ника надъ каравань - сералемъ о прибытіи Маргоны, воображалъ себѣ, что сія прекрасная особа, помышляя единственно о погибели своего супруга, имѣла сонъ сходный съ тѣмъ, что она въ разсужденіи сей матеріи лестнаго говорила тѣмъ наипаче, что Катифей, упавъ въ море въ такомъ мѣстѣ, которое недалеко отъ Дабула находилось, легко могъ на сихъ берегахъ, или въ ближайшей какой гавани спастись.

Что касается до Султана Огуца, то онъ повѣствованіемъ сихъ приключеній казался быть весьма довольнымъ, и не однократно изъявлялъ Кофробу свое удивленіе, какимъ образомъ могъ Катифей хитростямъ Маргониным сопротивляться. Признаюсь тебѣ, любезный другъ! говорилъ онъ ему, чтобы я никогда не былъ въ состояніи выдержать толь великія искушенія, сколь бы ни сильную страсть ощущалъ я въ сердцѣ моемъ къ какой женщинѣ. Государь! отвѣтствовалъ ему Иманъ, Султаны, привыкшіе зрѣть все себѣ преклоннымъ, не могутъ имѣть въ любви толико нѣжности; они только лишь что задумаютъ, то уже оное и исполняется; и я ни мало не удивляюсь, что вы такъ думаете; но сколь велико должно быть удовольствіе сихъ несравненныхъ любовниковъ! Они увѣрены, что горячность ихъ равна, и токмо въ простожитіи, а не на престолѣ наслаждаются обыкновенно таковыми увеселеніями въ полномъ совершенствѣ.

Огуцъ признался, что величество Монаршее было ему часто въ любви въ тягость; и чиня многія основательныя разсужденія о благополучіи

сихъ щастливыхъ любовниковъ, и видя себя ко сну склонными, разстались они для своего отдохновенія.

На другой день часъ къ собранію въ залъ пришелъ; Султанши уже тамъ находились и со всѣми унесенными изъ караванъ-сераля. Онѣ спрашивали у Ширина потихоньку, привелъ ли онъ къ нимъ во дворецъ какого новаго чужестранца? и онъ, не отвѣтствуя имъ на то ни слова, далъ обыкновенный знакъ для подчятія завѣсы; тогда увидѣли на софѣ и на креслахъ одну старуху лѣтъ въ шестьдесятъ, четырехъ весьма прекрасныхъ женщинъ, изъ коихъ старшей не болѣе осьмнатцати лѣтъ казалось, и двухъ собою изрядныхъ юношей, изъ которыхъ каждому не болѣе дватцати пяти лѣтъ было.

ВЕЧЕРЪ LXII.

Исторія о Мегнунѣ и о Лейлегѣ.

По одеждѣ сихъ иностранцовъ легко можно было узнать, что то были комедіянты и комедіянтки. Султанши надѣялись имѣть отъ того не малое удовольствіе, которое и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ возпослѣдовало, и которое произошло отъ странныхъ и различныхъ тѣлоположеній сихъ людей, такъ что Султанши и прочіе зрители не могли отъ смѣха удержаться. Спустя по томъ нѣсколько времени, Ширинъ къ нимъ подошелъ и говорилъ имъ такъ: престаньте, друзья мои! удивляться, примите на себя тотъ веселый видъ, которымъ одарены подобные вамъ люди; представьте себѣ, что во

время ночное принесены вы были въ провинцію Шадукіамскую въ чертоги Гевгера - Абада, и что на нѣкоторое время опредѣлены вы на увеселеніе Перицовъ и Перицъ, обитающихъ въономъ; щастіе ваше разположено будетъ по тому, какимъ образомъ вы исполните должности вашего ремесла. Сіи люди, ободрясь толь лестными обѣщаніями, собрались вскорѣ съ силами, и спокойствіе съ радостію появились на лицахъ ихъ; старуха же, которая была начальницею сихъ пришельцовъ, говорила имъ такъ: любезныя мои дѣти! возблагодаримъ Пророка, что онъ привелъ насъ въ толь прелестныя мѣста, и потщимся всѣми силами заслужить то мнѣніе, которое сіи великіе духи о насъ имѣютъ. Естьли они хотятъ, чтобы вы своею пляскою и пѣніемъ изобразили имъ какое печальное приключеніе, или представили имъ какое смѣшное произшествіе. . . . Пожалуйте лучше представьте намъ что нибудь посмѣшнѣе, 'вскричала Гуль - Саба, которое могло бы насъ тѣмъ болѣе развеселить. Когда такъ, сказала старуха своимъ товарищамъ, то симъ Перицамъ представьте любовь Мегнуна и Лейлеги. Хотя представленіе сіе и кажется нѣсколько важно, однако мои актеры такъ хорошо умѣютъ превратить сію исторію въ смѣшную, что я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы оное не причинило великаго удовольствія. Мегнунъ, какъ то извѣстно, любилъ страстно Лейлегу; и какъ онъ по скромности своей не осмѣлился покуситься на цѣломудріе толь добродѣтельной особы, то любовь его сдѣлалась ему столь вредною, что онъ лишился покою, и оста-

оставилъ свое ремесло, дабы единственно помышлять о своей любовницѣ. Сіи прекрасныя разсужденія сдѣлали его въ короткое время толь сухимъ, что онъ болѣе походилъ на мертвеца, нежели на живаго человѣка. Лейлега, встрѣчаясь съ нимъ всюду, спрашивала его иногда о причинѣ его прискорбія; но сей влюбленный безумецъ не смѣлъ ей въ томъ открыться; и наконецъ таковый поступокъ привелъ его до того, что онъ въ одномъ весьма трогательномъ письмѣ описалъ произхожденіе и успѣхи своей любви, изъяснилъ, что Лейлега предметъ оной и причина жалостнаго его состоянія, о которомъ онъ никогда не смѣлъ ей объявить; и напослѣдокъ приказалъ отдать ей сіе письмо послѣ его смерти. Намѣренія его были исполнены, и сія прекрасная дѣвица, познавъ плачевную судьбину своего любовника, тронулась кончиною его столь много, что впадши отъ того въ превеликую печаль, послѣдовала за нимъ вскорѣ. Писатели Арабскіе и Персидскіе объявляли различно о сей толь странной любви. Мегнунъ почитается ими примѣромъ любовниковъ совершенныхъ, а Лейлега прекраснѣйшею и цѣломудреннѣйшею особою своего пола.

Что до насъ касается, то мы, будучи увѣрены, что таковые любовники суть существа мнимыя, не почитали сего приключенія важнымъ; и какъ мы не можемъ себѣ представить, чтобы на свѣтѣ толь глупые любовники и толь скромныя дѣвицы были, то мы въ представленіи нашемъ поступаемъ совсѣмъ другимъ образомъ, нежели какъ то въ романахъ о нихъ описывается.

Лей-

Лейлега вскорѣ примѣчаетъ любовь Мегнунову, но будучи разумною и гордою дѣвицею, притворяется, будто оной не видитъ; а между тѣмъ ея любовникъ становится толь робкимъ, что въ разговорахъ своихъ съ нею, видя, что она напрасно всю хитрость свою употребляетъ, чтобы онъ ей въ страсти своей открылся, прибѣгаетъ она къ своей служанкѣ, которая влюблена въ невольника Мегнунова. Сей невольникъ, зная сумасходство своего господина, часто надъ нимъ подсмѣиваетъ, подаетъ ему любовныя наставленія, которыхъ Мегнунъ по природной своей робости не смѣетъ исполнить, или исполняетъ весьма худо, какъ скоро Лейлегу увидитъ. Наконецъ служанка сей цѣломудренной дѣвицы и невольникъ принуждены представлять лицы своихъ господъ, и побуждаютъ ихъ имъ подражать. Сіе играютъ они при нихъ съ такою живостію, и мало по малу сію шутку такъ далеко простираютъ, что Мегнунъ, возбужденный примѣромъ своего невольника, ему во всемъ послѣдуетъ, и Лейлега позволяетъ ему всѣ тѣ вольности, которыя ея служанка позволяетъ своему любовнику. Сіе дѣйствіе нѣсколько живо, и мои актеры производятъ оныя такимъ образомъ, что и самыхъ нечувствительныхъ поколебать могутъ; однако сіе зависитъ отъ произволенія зрителей, смотря по ихъ склонностямъ. И такъ, прекрасные Перицы! отъ васъ зависитъ, какимъ образомъ поступить при томъ прикажете. Съ наивозможнымъ цѣломудріемъ, сказала на то Гегернаца; мы не можемъ ничего того терпѣть, что нарушаетъ

благо-

благопристойность. Пускай твои актеры выберутъ что другое, или поступятъ съ особливою предосторожностію, естьли хотятъ намъ сделать угожденіе. Они конечно повеленіе ваше исполнятъ, сказала на то старуха.

Какъ скоро Султанши изъявили свое благоволеніе, чтобы представленіе началось, то актеры стали по местамъ, и исторію Мегнуна съ особливою пріятностію и простотою играли, а особливо представляющій невольника игралъ свою роль съ такимъ совершенствомъ, что все собраніе было темъ крайне довольно. Все удивлялись той нежности, съ каковою онъ игралъ те места, въ которыхъ велено ему было поступить со всевозможнымъ целомудріемъ; такожъ и женщина, представляющая съ нимъ, заслужила не менее похвалы, съ какою непритворностію и благопристойностію она въ оныхъ играла. Изъ всехъ зрителей была Гуль-Саба всехъ довольнее, и притомъ особливое удовольствіе ощущала, взирая на актера, играющаго роль Мегнуна. Онъ былъ собою прекрасенъ, имелъ черные кудреватые волосы, прелестные глаза и весьма пріятной видъ во всехъ представляемыхъ имъ разныхъ страстяхъ; словомъ, побуждалъ онъ почти всякаго къ особливой къ нему склонности; и Гуль-Саба была имъ столь сильно поражена, чтобы въ самую ту же минуту открылась ему въ своей любви, естьли бы не опасалась укоризнъ прочихъ Султаншъ. Но не въ состояніи будучи много притворяться, Мегнунъ! сказала она ему; ибо я не знаю настоящаго твоего имени,

ни, я такъ довольна твоимъ представленіемъ, что въ знакъ моей къ тебѣ дружбы даю тебѣ перстень; носи его для напоминовенія обо мнѣ. Тогда, снявъ съ руки у себя драгоцѣнный перстень, подала его сему актеру, которой принялъ его съ чрезмѣрною радостію и съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Султанши, удивленныя симъ подаркомъ Гульсабы и пріятнымъ видомъ, съ каковымъ она подала его актеру, не сомнѣвались болѣе, что она къ сему юношѣ сильнѣйшею страстію возпламенилась; и опасаясь, чтобы она не вступила съ нимъ въ какое обязательство, не нашли лучшаго способа къ отвращенію ее отъ того, какъ только, чтобы онъ разсказалъ имъ приключенія своея жизни. Для сего Гегернаца, обратясь къ нему, Мегнунъ! сказала она ему, ты долженъ почитать себя весьма благополучнымъ, получа толь явные знаки сей прекрасной Перицы; но знай, что сей подарокъ данъ тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты разсказалъ намъ подробно всѣ приключенія твоея жизни, притомъ остерегайся удаляться отъ настоящей истинны. Знай, что естьли ты то учинишь, то мы, познавъ твою ложь, изъявимъ тебѣ свою немилость. Прекрасная Перица! отвѣтствовалъ тогда юноша, когда вы повелѣваете, чтобы я вамъ разсказалъ всѣ мои приключенія, то я готовъ исполнить ваши повелѣнія. Тогда видя, что всѣ наблюдаютъ глубокое молчаніе, началъ говорить такъ:

ИСТОРІЯ
О Массудѣ, сынѣ Софаропомъ.

Отецъ мой былъ Арабскій мѣдникъ, жившій въ Ширацѣ и извѣстенъ въ семъ городѣ только по своему прозванію Софаръ, которое значитъ мѣдника, и которое дано ему по преимуществу; потому что онъ работалъ съ особливою чистотою и всѣхъ лучше. Онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ однимъ Философомъ, которой былъ хотя молодъ, однако весьма искусенъ, и заказывалъ ему дѣлать кубики и другую посуду, нужную для Химическихъ опытовъ. Отецъ мой, будучи принужденъ ходить часто къ сему Философу, имѣлъ случай познакомиться съ одною невольницею, именемъ Нурою, которой было лѣтъ тритцать, и которая, влюбясь въ него, была къ нему столько благосклонна, что господинъ ея вскорѣ примѣтилъ обхожденіе ея съ Софаромъ.

ВЕЧЕРЪ LXIII.
Продолженіе исторіи о Массудѣ, сынѣ Софаропомъ.

Чуть только Философъ узналъ слабость Нуры въ разсужденіи Софара, то пришелъ въ величайшій гнѣвъ; и какъ сей бѣдный мѣдникъ пришелъ къ нему, то онъ, схватя палку, на него бросился, и прибилъ бы его конечно до смерти, естьли бы онъ отъ ярости его не уклонился. Что касается до Нуры, то она прибѣгла къ плачу, и павъ къ ногамъ Философа, тронула его

столь

столь много, что себѣ и отцу моему получила отъ него прощеніе. Нура! сказалъ онъ ей, встань и разсмотри, чего ты теперь лишилась; я отличалъ тебя всегда отъ прочихъ невольницъ для показанія тебѣ, что я тебя люблю, и я думалъ найти въ тебѣ разсудительную женщину. Съ вольностію, которую было тебѣ дать намѣрялся, хотѣлъ раздѣлить съ тобою мое ложе, почитая тебя довольно достойною быть моею женою; но по щастію я обманулся. Поступокъ твой въ разсужденіи мѣдника показываетъ мнѣ низкость твоихъ мыслей, и какому бы бѣдствію подвергъ я себя, естьли бы съ тобою соединился! Какою благодарностію долженъ я небесамъ, что онѣ того не дозволили! Пошли къ Кадію и къ Иману; я хочу при нихъ освободить тебя отъ неволи и соединить тебя съ Софаромъ, которой имѣлъ дерзновеніе посрамить мой домъ. Можетъ быть въ семъ бракѣ найдетъ онъ наказаніе за сей толь мерзскій поступокъ.

Повелѣніе Философово было тотчасъ исполнено. Нура получила свободу, и отдана за Софара. Сіе нечаянное произшествіе привело ее въ толь сильное движеніе, что она, пришедъ въ домъ своего мужа, меня выкинула по седьмому мѣсяцу. Отецъ мой чувствовалъ отъ того величайшую радость и назвалъ меня Массудомъ, то есть щастливцемъ, думая, что я рожденъ быть благополучнымъ; сіе можетъ быть сбылося бы и въ самомъ дѣлѣ, естьли бы Философъ не открылъ ей своихъ въ разсужденіи ея намѣреній;

она

она столь много печалилась, что проступкомъ своимъ потеряла толикое щастіе, что съ той же самой минуты возъимѣла къ отцу моему величайшее отвращеніе, и я вскорѣ почувствовалъ дѣйствіе онаго; она почитала меня единымъ препятствіемъ къ ея благополучію, потому что естьли бы я не былъ плодомъ ея любви, то бы могла она скрыть короткое свое обхожденіе съ Софаромъ, и здѣлаться женою Философа, который былъ человѣкъ прекрасный, богатый, и въ великомъ почтеніи во всемъ Ширацѣ.

Отецъ мой, который, женясь на Нурѣ, почиталъ себя совершенно благополучнымъ, позналъ вскорѣ, что онъ самый нещастный изъ всѣхъ людей на свѣтѣ; ибо, ставъ предметомъ презрѣнія и ненависти своей жены, ни одного дня не проходило, чтобы она его не укоряла его съ нею поступкомъ, и не обвиняла его въ собственной своей слабости. Наконецъ довела она его до того, что онъ съ печали впалъ въ прежестокую горячку, отъ которой вскорѣ и умеръ, и мать моя не была смертію его ни мало тронута.

Философъ, познавъ о причинѣ смерти отца моего, досадовалъ на самаго себя весьма много, что изъясненіемъ своимъ съ Нурою довелъ его до такой погибели. Поступокъ ея съ мужемъ произвелъ въ немъ худыя объ ней мысли, и видя, что она обо мнѣ совсѣмъ нерадѣетъ, и кормить меня не хочетъ, надо мною сжалился, и взялъ меня къ себѣ.

Мать моя, которая внимала только горделивымъ своимъ мыслямъ, приведена была, спустя

стя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ смерти Софаровой въ великое удивленіе, видя, что лавка ея отъ часу болѣе въ упадокъ приходила; работники, съ которыми она не умѣла обходиться, оставили ее вскорѣ; наконецъ не протекло еще и шести мѣсяцовъ, какъ пришедъ въ убожество, прибѣгла къ старому своему господину, и бросясь къ ногамъ его: милостивый государь! говорила она ему, обливаясь слезами: дозволь, чтобы я вступила паки въ рабство, изъ котораго выйти была я недостойна. Не дай погруженной въ несноснѣйшія бѣдствія ввергнуться въ отчаяніе; дозволь лобызать твои колѣна, я ихъ не оставлю, пока не получу отъ тебя сію милость. Встань Нура! сказалъ ей Философъ, и когда хочешь, живи у меня; но не такъ какъ невольница: пользуйся всѣми правами вольнаго человѣка, вступи въ прежнюю свою должность; я забываю всѣ твои проступки; памятуй только о прошедшемъ. Мать моя, проливая слезы, поцѣловала руку у толь милосердаго господина, и чувствуя его великодушіе, усугубила она свои попеченія о экономіи въ его домѣ; но, не взирая на то удовольствіе, которое могла бы она отъ того имѣть, предалась она толь сильной задумчивости, что послѣ отца моего прожила не болѣе осьми мѣсяцовъ.

Мнѣ было не болѣе двухъ лѣтъ, какъ я лишился моей матери; я могу сказать, что сей уронъ былъ для меня не весьма великъ, потому что въ ней имѣлъ, такъ сказать, главнаго своего непріятеля. Философъ продолжалъ ко мнѣ свои милости; и я до шести лѣтъ жилъ у

моей

моей кормилицы, которая начала меня учить читать и писать, и отъ которой по прошествіи сего времени взялъ меня мой господинъ и отдалъ къ одному духовному для довершенія моего ученія, и я отошедъ отъ сего наставника, оказывалъ Философу всякія услуги по моему возрасту.

Чуть только исполнилось мнѣ двенатцать лѣтъ, какъ мой господинъ призвалъ меня однимъ днемъ къ себѣ въ кабинетъ. Массудъ! сказалъ онъ мнѣ, хотя ты еще и весьма молодъ, однако, зная твой разумъ, хочу ввѣрить тебѣ такую тайну, которой я еще никому не открывалъ. Отецъ мой, который былъ славный Докторъ, уѣхалъ изъ Шираца въ Египетъ тому лѣтъ съ осьмнатцать; хотя я ему и представлялъ, что ему уже болѣе осьмидесяти лѣтъ; однако не могъ отвратить его отъ толь тягостнаго и долговременнаго путешествія. Съ того времени не имѣю я отъ него никакого извѣстія; и какъ у него кромѣ меня дѣтей не было, то при отъѣздѣ своемъ далъ мнѣ три скляночки, наполненныя нѣкоторыми безцѣнными лѣкарствами, потому что посредствомъ ихъ можно оживить мертваго; онъ мнѣ сказалъ, что для исполненія сего, наливъ нѣсколько капель изъ первой склянки на губы умершаго человѣка, только вскорѣ послѣ его смерти, отъ того увидишь въ немъ нѣкоторое дыханіе; наливъ же изъ другой, онъ пошевелится, а давъ ему проглотить нѣсколько капель изъ третьей, онъ совсѣмъ оживетъ, и будетъ отправлять всякія должности по прежнему. Къ тому примолвилъ онъ, что употреблялъ сіе

таинство весьма рѣдко, почитая сей способъ нѣкоторымъ образомъ противнымъ вѣрѣ; и для сей самой причины меня увѣщавалъ употреблять оный съ крайнею умѣренностію; причемъ увѣрялъ меня, что по возвращеніи своемъ научитъ меня сему толь рѣдкому таинству.

ВЕЧЕРЪ LXIV.

Продолженіе исторіи Массуда, сына Софаропа.

Будучи столь же воздерженъ, какъ и мой отецъ, продолжалъ Философъ, не дѣлалъ я еще никогда опыта сими лѣкарствами; но естьли какимъ случаемъ, котораго не могу предвидѣть, умру я нечаянно, то вынь ихъ изъ сего шкапа, отъ котораго ключь найдешь въ моемъ карманѣ, и прежде нежели тѣло мое охладѣетъ, не упусти поливать изъ нихъ мнѣ въ ротъ, по порядку, какъ они занумерены. Естьли сіе лѣкарство будетъ имѣть дѣйствіе, какъ то отецъ мой меня увѣрялъ, то надѣйся получить отъ меня достойное награжденіе за оказанную тобою мнѣ услугу. Я слушалъ моего господина съ крайнимъ вниманіемъ, продолжалъ Массудъ, и данныя мнѣ имъ наставленія случилось мнѣ исполнить прежде году.

Въ одинъ день велѣлъ онъ мнѣ исправить нѣкоторыя надобности въ Ширацѣ, и я, исполня оныя, домой возвратился; но у воротъ увидя человѣкъ двенатцать, спрашивалъ ихъ о причинѣ того, и мнѣ сказали, что мой господинъ, будучи въ гостяхъ у одного изъ своихъ пріятелей,

за-

занемогъ такъ, что его отнесли домой, и врядъ проживетъ ли нѣсколько минутъ. Тронувшись таковымъ извѣстіемъ, побѣжалъ я къ нему поскорѣе. Я нашелъ его безъ памяти, и Лѣкарь, который при немъ тогда находился, увѣрилъ насъ, что онъ уже умеръ, отъ чего во всемъ его домѣ сдѣлался превеликій плачь. Я, помышляя о исполненіи его повелѣній, вынулъ изъ кармана у него ключь отъ того шкапа; и между тѣмъ, какъ его невольники упражнялись въ приуготовленіи всего нужнаго къ его похоронамъ, заперся я съ нимъ, вынулъ тѣ три скляницы, и чуть только налилъ ему въ ротъ нѣсколько капель изъ первой, какъ пульсъ началъ у него биться и смертная краска сходить съ него стала. Ободрясь толь хорошимъ успѣхомъ, налилъ я изъ второй съ великою надеждою; но сколь ни былъ я предупрежденъ; однако не безъ смятенія увидѣлъ, что онъ сталъ шевелиться. Пришедъ въ изумленіе отъ толь чудеснаго дѣйствія, которое, казалось, требовало безперерыву, не могъ я такъ скоро налить ему изъ третьей; онъ же нетерпѣливо желая въ сей свѣтъ возвратиться, хотя и оставилъ его не болѣе получаса, закричалъ раздраженнымъ голосомъ: *лей*, *лей*! Сіе меня устрашило. Я, вообразя себѣ, что въ семъ тѣлѣ дѣйствуетъ дьяволъ, уронилъ ларчикъ, въ которомъ сіи три склянки находились, кои разбились на нѣсколько частей такъ, что сего бѣднаго человѣка, который, казалось, уже ожилъ до половины, увидѣлъ принужденна лечь въ прежнемъ состояніи, и лишенна надежды возстать прежде страшнаго

Суда. Тогда пришелъ я въ такой ужасъ, что палъ на землю почти въ такомъ же состояніи, какъ и Философъ. Спустя по томъ нѣсколько времени, начали стучаться у дверей, и видя, что оныя были заперты, принуждены были ихъ выломить; и подавъ мнѣ всевозможное вспомоществованіе, похоронили нашего господина.

Я не имѣлъ ничего, продолжалъ Массудъ, не зналъ куда приклонить голову, и видѣлъ себя въ крайней бѣдности, какъ въ Шираць пріѣхала цѣлая банда комедіянтовъ, надъ коими начальницею была старуха, которая въ свое время почиталась во всемъ востокѣ первою актрисою; она увидѣла меня на улицѣ сидящаго на камнѣ, и въ такомъ состояніи, которое показывало ей плачевную мою участь. Она надо мною сжалилась, и позвавъ причину моей печали и бѣдности, предложила мнѣ, не хочу ли я вступить въ ея общество. Состояніе мое не дозволяло мнѣ ей въ томъ отказать; я принялъ ея предложеніе, она въ ту же минуту отвела меня въ предмѣстіе Ширацкое въ тотъ домъ, который она для себя и для товарищей своихъ нанимала. Какъ я тогда былъ не болѣе тринатцати лѣтъ, и не могъ представлять муское лицо: то она, выбравъ для меня женское платье, нарядила меня въ оное, и нашедъ меня въ семъ убранствѣ довольно прекраснымъ, сказала мнѣ, что назначиваетъ меня представлять любовницу, только чтобы я скрывалъ мой полъ даже и отъ всего ея общества. По томъ заставя меня проговорить нѣсколько стишковъ, и нашедъ во

мнѣ

мнѣ довольно много расположенія къ ея ремеслу, употребляла все свое знаніе и искусство сдѣлать меня въ семъ родѣ совершеннымъ; и я наставленіями ея столь много возпользовался, что чрезъ три мѣсяца, подъ именемъ Русшены, которое она мнѣ дала, и которое на Персидскомъ языкѣ значитъ свѣтильникъ, почла меня способнымъ представлять первыя роли, и я ожиданію ея столь много отвѣтствовалъ, что всѣ знатнѣйшие господа въ Ширацѣ и во всѣхъ тѣхъ городахъ, чрезъ которые мы проѣзжали, призывали насъ къ себѣ; и наша начальница, приведя свою банду въ великую славу, собирала множество денегъ.

Вамъ не безъизвѣстно, великія Перицы! что комедіянтки опредѣлены для всякихъ удовольствій общества. Множество молодыхъ людей, почитая меня дѣвицею, во мнѣ искали; но надзирательница наша, которая не знаю для какой причины не хотѣла того, чтобы меня признали, надѣвала на меня черныя шировары всякой разъ, когда мы входили въ городъ. Со всемъ тѣмъ она сама была причиною, что вскорѣ оставилъ я наше общество нѣкоимъ страннымъ приключеніемъ. Вдовствующая Губернаторша Экбатанская, именемъ Рауддага, которой не болѣе двадцати осьми лѣтъ было, выдавала свою дочь за одного молодаго знатнаго господина сего города. Бракъ сей произходилъ съ великою пышностію, и вы легко можете догадаться, что для умноженія торжества и насъ позвали. Мы старались подать всему собранію всевозможное удовольствіе, при чемъ не было почти ни одного

 моло-

молодаго господина, который бы не возъимѣлъ въ разсужденіи меня какого намѣренія. Губернаторша то примѣтила, и подозвавъ къ себѣ нашу начальницу, спрашивала, давно ли я въ ихъ обществѣ. Около двухъ лѣтъ, сказала она ей, и сія дѣвушка вступила къ намъ съ тѣмъ, чтобы, входя въ городъ, надѣвала всегда черныя шировары, почитая себя неспособною исполнять должность обыкновенныхъ комедіянокъ, и желая, чтобы, имѣя на себѣ сей знакъ, къ ней никто не прикасался, и я ей позволила жить по своему произволенію.

Губернаторша тронута была таковою моею добродѣтелію; дѣлала нашей начальницѣ нѣкоторыя наставленія, такъ что сія старуха, тронувшись ея нравоученіемъ, обѣщалась ей оставить свое житіе; и Губернаторша для удостовѣренія себя, чтобы начальница сдержала данное ей слово, обѣщала ей три тысячи золотыхъ съ тѣмъ, чтобы склонить меня сіе ремесло покинуть и у ней остаться. Старуха смутилась симъ предложеніемъ, опасаясь, чтобы не произошло для нее какихъ слѣдствій; однако, не будучи намѣрена пробыть въ Экбатанѣ долго, и положа выѣхать оттуда на другой же день, отдала меня Раудданѣ.

Я приведенъ былъ въ крайнее удивленіе, когда сія старуха, призвавъ меня къ себѣ, объявила мнѣ, что я принадлежу сей прекрасной вдовѣ не такъ какъ невольникъ, но какъ дѣвица, къ которой она особливую склонность почувствовала, удивляясь моей добродѣтели, и желаетъ

лаетъ имѣть меня при себѣ для обхожденія. Сколько я ни представлялъ нашей начальницѣ, что я не знаю, какимъ образомъ избѣгнуть, чтобы меня не узнали; однако она внимать мнѣ не хотѣла. Къ ней принесли три тысячи золотыхъ, и она, прощаясь со мною, сказала мнѣ, чтобы я всячески старался представлять мою роль, какъ возможно лучше, и пользовался бы толь благополучнымъ случаемъ. Послѣ чего она меня оставила, не дождавшись моего отвѣта.

ВЕЧЕРЪ LXV.

Продолженіе исторіи Массуда, сына Софаропа.

Сей поступокъ нашей начальницы, продолжалъ Массудъ, привелъ меня въ крайнее изумленіе; я не зналъ, какимъ образомъ поступить въ семъ новомъ состояніи. Проливалъ горчайшія слезы не столько о томъ, что старуха меня оставила, какъ изъ страху, чтобы окончаніе сего приключенія не сдѣлалось мнѣ плачевнымъ. Раудага отерла мои слезы съ особливымъ милосердіемъ. Любезная моя! сказала она мнѣ, обнимая меня съ горячностію, я тронута твоимъ добросердечіемъ, чувствованія твои меня прельщаютъ; но какъ ты не могла бы сопротивляться долго стараніямъ молодыхъ дерзновенныхъ людей, то думала богоугодное учинить дѣло, выведя тебя изъ столь опаснаго ремесла, въ которомъ ты упражнялась по необходимости, и въ коемъ добродѣтель твоя рано или поздно конечно бы нарушилась. И такъ пере-

станъ печалиться объ отъѣздѣ старухи, и почитай, что во мнѣ имѣешь ты такую особу, которая будетъ тебя любить, какъ истинная мать, и отъ которой получишь всевозможное защищеніе.

Оказываемыя мнѣ ласки сею почтенною дамою должны были меня ободрить, но безпокойство мое привело меня въ нѣкоторую робость и стыдливость, которыя причиняли ей тѣмъ болѣе удовольствія, что она, будучи въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ страсти еще весьма сильны, отреклась отъ всякихъ увеселеній, и строжайшую добродѣтель наблюдала. Она усугубила свои ласки, посадила меня съ собою за столъ; и когда ночь наступила, то приказала поставить мнѣ кровать подлѣ нее. Я спалъ весьма худо не для того, что подлѣ весьма прекрасной женщины находился (ибо простота моя была столь велика, что хотя въ представленіяхъ нашихъ и игралъ я самыя сильныя страсти, однако еще никогда не чувствовалъ любви); но для того, что безпрестанно опасался, дабы Рауддага, признавъ меня, не воспалилась сильнѣйшимъ гнѣвомъ, и не повелѣла меня наказать за такой проступокъ, въ которомъ я ни малѣйшаго не имѣлъ участія. Наконецъ настало утро. Дражайшая моя Русшена! сказала она мнѣ, ты была два года въ обществѣ такихъ людей, которые законъ нашъ не съ особливою строгостію наблюдаютъ. Я увѣрена, что разпутная ихъ жизнь заставляетъ ихъ часто поступать противъ одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ нашей

вѣры,

вѣры, которой состоитъ въ чистотѣ тѣлесной, пріобрѣтаемой законнымъ омовеніемъ. Я хочу, чтобы ты должность сію исполнила, и уже для того приказала я изготовить баню.

Легко можете себѣ представить, въ какое состояніе приведенъ я былъ сими словами: страхъ чуть было не скончалъ дни мои. Губернаторша спрашивала меня, что бы тому причиною было? Я бросился къ ея ногамъ, поблѣднѣвши: Милостивая государыня! сказалъ я ей трепещущимъ голосомъ, дозволь не встать мнѣ отъ ногъ твоихъ, пока въ дерзости моей не получу прощенія; я не то, чѣмъ ты меня почитаешь. Въ женской одеждѣ видишь ты предъ собою нещастнаго юношу, который для своеправія и для единаго прибытка корыстолюбивой старухи принужденъ былъ представлять несогласное съ поломъ своимъ лице; она не допустила меня сопротивляться согласію ея съ тобою, потому что я узналъ о томъ въ ту самую минуту, когда она меня у тебя оставила. Вотъ источникъ моихъ слезъ; и ты изъ поступокъ и безпокойствій моихъ могла примѣтить, что я въ обманѣ ея ни малѣйшаго не имѣлъ участія.

Ни чье удивленіе не можетъ съ тѣмъ сравниться, въ которое прекрасная Рауддага приведена была; она нѣсколько времени не могла ни слова промолвить; по томъ, собравшись съ разумомъ, и помышляя болѣе всего о соблюденіи пріобрѣтеннаго ею отъ всѣхъ добраго имени: какъ Русшенъ! сказала она мнѣ, ты въ самомъ дѣлѣ не женщина? Ахъ! сердце мое конечно предвѣщало

вѣщало мнѣ толь странное произшествіе; я не понимала, какимъ образомъ могла столь сильную страсть почувствовать къ особѣ своего пола. Теперь я довольно вижу, что природа въ насъ не обманывается; я обожала прекраснаго Русшена, и его не зная, благодарю великаго нашего Пророка, что онъ по милосердію своему послалъ ко мнѣ любовника прекраснѣйшаго и самаго бога любви, и сдѣлалъ то таковымъ страннымъ случаемъ, потому что всѣ жители Экбатанскіе, зря меня въ его объятіяхъ, не могутъ о добродѣтели моей ни малѣйшаго возъимѣть подозрѣнія.

ВЕЧЕРЪ LXVI.

Продолженіе и заключеніе исторіи Массуда, сына Софаропа.

Дражайшій мой! сказала мнѣ тогда Губернаторша, обнимая меня съ великимъ восхищеніемъ: сколь много буду я благополучна, естьли ты горячности моей къ тебѣ станешь равномѣрно соотвѣтствовать! А естьли ты будешь нечувствителенъ, то конечно прекращу вскорѣ жизнь мою, которою только для прекраснаго Русшена наслаждаться желаю.

Что мнѣ вамъ сказать болѣе? продолжалъ Массудъ: ласки, истощеваемыя мнѣ прекрасною женщиною, произвели во мнѣ такое движеніе, что по всѣмъ жиламъ пресильный огнь разпространился. Какъ происходящее во мнѣ было для меня новостію и того со мною никогда не случалось, то находился я въ крайнемъ смятеніи,

изъ

изъ котораго выведенъ былъ благосклонностію Губернаторши; и я чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлался для нее столь драгоцѣннымъ, что она стократно клялась жертвовать мнѣ всемъ на свѣтѣ, и что она умретъ изъ отчаянія, естьли престану отвѣтствовать ея горячности такъ, какъ началъ.

Возбудясь оказанными ею мнѣ благосклонностями: прекрасная Рауддага! сказалъ я, ее обнимая, не страшись, чтобы любовь моя къ тебѣ уменьшилась; наставленія твои будутъ умножать оную отъ часу болѣе. Я клянусь тебѣ великимъ Магометомъ, что ты найдешь меня себѣ всегда послушнымъ и готовымъ исполнять твои повелѣнія.

Рауддага начала простотѣ отвѣта моего смѣяться; она проводила меня въ баню; и какъ ея невольницы не могли того подумать, чтобы я былъ мущина, то ни за что почитали, что я пошелъ съ нею одинъ въ такое мѣсто, да и никогда не подозрѣвали, видя, какія ласки она мнѣ оказывала.

Болѣе четырехъ мѣсяцовъ препроводилъ я съ таковою пріятностію, какъ въ одинъ день нашелъ Рауддагу въ задумчивости и печали. Что тебѣ сдѣлалось, прекрасная моя повелительница! спрашивалъ я ее съ торопливостію. Ахъ, Русшенъ! сказала она мнѣ, меня обнимая, и проливая слезы; сколь дорого плачу я за оказываемую мною тебѣ горячность! Съ тѣхъ поръ, какъ ты со мною, имѣю я явные знаки беременности.

Что

Что это такое значитъ? продолжалъ я съ поспѣшностію. Сіе значитъ, сказала мнѣ моя любезная, что тому болѣе четырехъ мѣсяцовъ, какъ я въ утробѣ моей питаю небольшую змѣю, которая всему Экбатану покажетъ слабость мою въ разсужденіи тебя. Ахъ, божественная Рауддага! вскричалъ я, какой проклятой волшебникъ привелъ тебя въ такое состояніе? О естьли бы я его зналъ! . . . Сколь ни велико было прискорбіе Губернаторши, однако отвѣтъ мой показался ей столь страннымъ, а гнѣвъ, коимъ я на сего волшебника возпалялся, столь смѣшнымъ, что она подняла превеликій хохотъ. Она истолковала мнѣ яснѣе причину своихъ безпокойствій, и не малаго труда ей стоило вразумить мнѣ, что я былъ источникомъ всѣхъ претерпѣваемыхъ ею болѣзней. Верстахъ въ осьми отъ Экбатана имѣла она преизрядной загородной домъ; тамъ вознамѣрилась она препроводить время своей беременности, и взяла съ собою только двухъ невольницъ, а именно, свою кормилицу съ дочерью, и еще нѣсколько служителей для домашнихъ потребностей.

Рауддага, чувствуя послѣдніе мѣсяцы великое безпокойствіе, сдѣлалась весьма скучною и сердитою; не принимала моихъ ласканій по прежнему, а сіе причиняло мнѣ не малое неудовольствіе, и я не смѣлъ спросить у ней о причинѣ того. Дочь ея кормилицы была собою очень недурна, и я иногда препровождалъ съ нею время. Я открылся ей, сколь много терзаетъ меня прекрасная моя владычица. Она обѣщалась раздѣлять

дѣлять со мною всѣ прискорбія и стараться о усладеніи оныхъ. Я никакой хитрости не примѣчалъ въ ея словахъ, пользовался ея ко мнѣ благосклонностію, и находилъ въ ней такія пріятности, каковыхъ и Губернаторша, казалось, не имѣла. Не воображая себѣ, чтобы тѣмъ могъ ее раздражить, не старался скрывать надлежащимъ образомъ моего обхожденія съ сею дѣвочкою; и Рауддага, заставъ меня однимъ вечеромъ съ нею вмѣстѣ, пришла въ такую ярость, что немедленно пронзила ее кинжаломъ.

Никогда не находился я въ таковомъ удивленіи и страхѣ, какъ видя сію нещастную умирающую въ очахъ моихъ, и Рауддагу стремящуюся на меня въ томъ же намѣреніи. И какъ состояніе мое удерживало ее поступить со мною съ таковою же яростію и скоростію, то я спасъ себя бѣгствомъ, и взошедъ въ одну комнату, заперъ двери и пріуготовлялся къ защищенію моей жизни, естьли бы она вздумала на нее покуситься. Но какъ по щастію въ той комнатѣ висѣло платье покойнаго Губернатора, то я, надѣвъ на себя оное, выскочилъ въ окно въ садъ, и чрезъ то ушелъ изъ сего замку, который отвсюду наполнялся ужаснымъ крикомъ. Я остановился въ ближайшей деревнѣ, и препроводилъ тамъ ночь; на другой же день услышалъ подробное описаніе моей жизни, и что Рауддага, видя, что я отмщенія ея избѣгнулъ, пронзила съ яроспи и себя тѣмъ же кинжаломъ, и умирая на рукахъ своей кормилицы, лишила жизни и своего младенца.

деица. Я старался всячески скрывать, что въ толь плачевномъ произшествіи имѣлъ участіе, и удаляясь съ поспѣшностію отъ сихъ мѣстъ, отправился въ Испаганъ, гдѣ по щастію нашелъ ту самую банду комедіянтовъ, у которыхъ былъ прежде. Старая наша начальница приняла меня съ великою радостію; но я, не имѣя болѣе охоты представлять женское лице, получилъ роль любовника, и игралъ оный съ особливымъ успѣхомъ, потому что уже тогда разумѣлъ мною представляемое. Я имѣлъ щастіе, что меня вездѣ похваляли, а особливо женщины. Искусъ мой у Рауддаги научилъ меня, и я уже былъ не такъ глупъ, какъ прежде; словомъ, пользуясь моими дарованіями и слабостію красотокъ, имѣлъ великое щастіе, и никто менѣе меня не помышлялъ о сохраненіи вѣрности; потому что упражняясь въ семъ ремеслѣ болѣе десяти лѣтъ, почти ни одной недѣли не проходило, въ которую бы не имѣлъ я новой любовницы.

Вотъ, прекрасныя Перицы! чистосердечное повѣствованіе моихъ приключеній, каковаго вы отъ меня требовали; иначе же не осмѣлился бы я говорить вамъ столь вольно. Но естьли вы имѣете любопытство слушать такія исторіи, которыя еще болѣе чудесъ въ себѣ содержатъ: то тотъ, который въ представленіи нашемъ игралъ моего невольника, разскажетъ вамъ съ охотою о своихъ приключеніяхъ; и хотя оныя кажутся невѣроятными, однако онъ ссылается на своего отца, что въ оныхъ нѣтъ ни одного слова вымышленнаго. Приключенія твои, сказала

тогда

тогда Гегернаца, сдѣлали намъ удовольствіе своею странностію, а не тѣмъ, какимъ образомъ ты ихъ разсказывалъ, и мы охотно станемъ слушать повѣствованіе твоего товарища. Тогда представляющій невольника, почитая сіи слова повелѣніемъ, началъ такъ:

ИСТОРІЯ

О Абдераимѣ, повѣствуемая Муйядомъ.

Я сынъ одного человѣка, который служилъ въ войскахъ Султана Кандагарскаго съ великою отличностію; онъ назывался Абдераимомъ, и разсказывалъ толь странныя дѣла, съ нимъ приключившіяся, что большая часть не могли ему въ томъ вѣрить, и прозвали его Кадгабомъ, то есть обманщикомъ. Какъ я былъ при немъ почти неотлучно, то о рожденіи моемъ слышалъ я отъ него слѣдующее:

При взятьѣ одного Персидскаго города войсками Султана Кандагарскаго все отдано было на разграбленіе. Легко можно познать, какія жестокости тогда произходили. Полководцы арміи, раздражены будучи упорною обороною сего города, повелѣли умерщвлять почти всѣхъ обывателей, только женщинъ и дѣвицъ запрещено было оскорблять, и ихъ сохраняли для того, чтобы сдѣлать ихъ невольницами. А дабы и солдаты имѣли въ сей добычѣ участіе, то изъ сихъ плѣнницъ сдѣлали лотерею, изъ которой во всякую роту по нѣсколько билетовъ роздано было; всѣхъ же билетовъ было четыре тысячи,

и на то число сдѣлано было четыре тысячи мѣшковъ, изъ коихъ въ каждомъ завязана была женщина, или дѣвица, которая и принадлежала тому солдату, кому нумеръ того мѣшка попался. Моему отцу досталея по щастію билетъ, по которому, взявъ свой мѣшокъ, взвалилъ себѣ на плеча, и послѣдуя запрещенію, чтобы мѣшки развязывать не ближе версты отъ города, вышелъ онъ оттуда съ тремя своими товарищами, коимъ также по билету досталось.

ВЕЧЕРЪ LXVII.

Исторія о Султаншѣ Гуль-Сабѣ.

Какъ часъ расхода наступилъ, и Султанши приказали комедіянтовъ въ назначенный для нихъ покой отвести, то Гуль-Саба чуть было не разрушила всѣ ихъ намѣренія сильною своею страстію къ Массуду, которая повѣствованіемъ его приключеній еще болѣе умножилась. Чуть только Принцы и Принцессы вышли изъ зала, то она, не будучи въ состояніи скрывать долѣе своихъ чувствованій: уже приближается то время, сказала Султаншамъ, въ которое Огуцъ позволилъ намъ разполагать собою. Я вамъ объявляю, что правами моими и данною имъ мнѣ властію хочу пользоваться; я люблю Массуда и не хочу отъ него защищаться. О небо! вскричала Гетернаца, разсмотри хорошенько Султанша, какому стыду и безчестію подвергаешь ты себя симъ поступкомъ! Какъ! изъ объятій Монарха Гузаратскаго, нашего Великаго Государя

и

и супруга, можешь ты вознамѣриться вступать въ союзъ съ сыномъ простаго мѣдника, который теперешнимъ своимъ состоянiемъ еще болѣе унижаетъ свою породу, и который повѣствованiемъ своей жизни, наполненной всякими безпорядками и неистовствами, долженствовалъ бы возбудить къ себѣ отвращенiе. Ахъ, Гуль Саба! взойди въ себя, не посрамляйся толь неравнымъ союзомъ; но паче разумными и добродѣтельными поступками докажи, что Огуцъ не ошибся въ твоемъ выборѣ и въ преимуществѣ, которое онъ тебѣ давалъ предъ всѣми нами болѣе пятнатцати лѣтъ. Правда, сердца наши могутъ первымъ движенiемъ поразиться; но разумъ придетъ къ намъ на помощь, и мы должны всячески сопротивляться сей прелести чувствъ. Всѣ твои представленiя безполезны, отвѣтствовала на то Гуль-Саба; я вижу, что они нѣкоторымъ образомъ справедливы; однако пустымъ воображенiямъ не послѣдую; тебѣ и другимъ Султаншамъ такъ разсуждать можно. Султанъ препроводилъ всю молодость съ вами; онъ васъ любилъ, вы его почитали, и наслаждались съ нимъ болѣе двадцати лѣтъ прiятнѣйшею жизнiю; я же нашла въ семъ Государѣ почти совсѣмъ ослабѣвшаго старика; и признаюсь вамъ, что не только была къ нему равнодушна, но еще и отвращенiе имѣла. О небо! вскричала Гегернаца, что же значили всѣ сiи изъявленiя горячности? Что значили сiи безпокойства, стенанiя и слезы, проливаемыя тобою въ то время, когда смертной Ангелъ, поднявъ свой мечь, пресѣкъ теченiе дней Огуцовыхъ? Одно только притворство, отвѣтствовала Гуль-

 Саба;

Саба; я играла очень хорошо въ комедіи, и отъ того научилась представлять всякія лицы. Естьли вы при кончинѣ Султана видѣли меня весьма печальною, то слезы мои произходили отъ страха, въ которомъ я находилась, чтобы вы не отомстили моему сыну и мнѣ за всѣ тѣ неудовольствія, которыя Султанъ причинялъ вамъ въ мою угодность. Малое мое обхожденіе съ вами не допустило меня васъ узнать; съ самой же кончины сего Государя всѣ страхи мои миновались; кроткія ваши поступки меня ободряютъ, добросердечіе ваше меня удивляетъ, и я не могу похвалить васъ довольно; я хотѣла бы вамъ послѣдовать, но разность лѣтъ заставляетъ меня мыслить совсѣмъ иначе. Молодость и судьбина влекутъ меня за собою, а совершенная свобода, которою я съ дражайшимъ моимъ Массудомъ буду наслаждаться, причиняетъ мнѣ напередъ такое удовольствіе, которое всѣ чувства мои прельщаетъ.

Какъ сіе объявленіе Гуль-Сабы произходило при Султаншахъ, при Батфалѣ, достойномъ сынѣ толь разумной матери, и при Кофробѣ, то сей послѣдній не хотѣлъ ничего болѣе прибавить къ премудрымъ наставленіямъ Гегернацы; но сказалъ только Гуль-Сабѣ, что она прежде истеченія положеннаго Огуцомъ времени можетъ быть предпріятіе свое разсмотритъ хорошенько, а до тѣхъ бы поръ не объявляла Массуду своего состоянія. Она то обѣщала, и спустя по томъ нѣсколько минутъ, пошла въ свои покои съ Батфаломъ, который чуть только

ко туда взошелъ, говорилъ ей такъ: прекрасная Султанша! твердость твоя въ предпріятомъ тобою намѣреніи причиняетъ мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, что дозволяетъ мнѣ питать страсть мою къ Ильдицѣ, самой младшей изъ комедіянокъ. Я думаю, что ты, соединясь съ Массудомъ, дозволишь мнѣ избрать ее своею женою.

Гуль-Саба приведена была предложеніемъ своего сына въ немалое удивленіе. Въ самомъ ли дѣлѣ, Батфалъ! ты о томъ думаешь? сказала она ему. Ты хочешь на Ильдицѣ жениться.... А для чего же ей не быть моею женою, подхватилъ онъ, когда Массудъ, будучи также комедіянтомъ, будетъ твоимъ мужемъ? Не все равно, отвѣтствовала она; я хочу вытти за Массуда только для успокоенія моей совѣсти; тебѣ же нѣтъ никакой нужды жениться на Ильдицѣ; она должна почесть себя весьма щастливою, естьли удостоишь ее благопріятнымъ взоромъ, а помышлять ей о томъ никакъ не должно, чтобы быть супругою такого Принца, который по духовной Огуца, коя чрезъ нѣсколько дней конечно выдетъ, сдѣлается можетъ быть Султаномъ Гузаратскимъ, или по крайней мѣрѣ долженъ имѣть знатную часть его земель.

Я признаюсь тебѣ, прекрасная Султанша! чистосердечно, сказалъ Батфалъ; все сіе величество меня отягощаетъ и страшитъ; я чувствую себя къ тому неспособнымъ. Мнѣ всегда скучно было житье мое въ сералѣ, и скажу те-

бѣ, что къ Огуцу не имѣлъ никогда той горячности, которую примѣчаю въ Принцессѣ Аксу къ Султаншѣ Гегернацѣ, ея матери. Мнѣ уронъ его ни мало нечувствителенъ; но еще напротивъ того почитаю оный окончанiемъ нашей неволи. Я не могу болѣе скрывать отъ тебя, прекрасная Гуль-Саба! моей склонности; охота моя къ музыкѣ и сильная страсть къ Ильдицѣ побудили меня къ намѣренiю взяться за толь веселое ремесло, которое она отправляетъ; и такъ дозволь мнѣ за сею прекрасною комедiянткою слѣдовать, потому что она одна можетъ все благополучiе жизни моей составить.

Гуль-Саба приведена была словами своего сына въ толь великое удивленiе и смятенiе, что нѣсколько минутъ не могла ни слова промолвить; по томъ собравшись съ силами: о природа, природа! вскричала она, какую великую силу ты имѣешь! Теперь я понимаю, сколь трудно тебя побѣдить! Изрядно, Батфалъ! я открою тебѣ теперь твою и мою породу.

Уже не время, продолжала Султанша, скрывать отъ тебя такихъ тайностей, которыхъ до сихъ поръ не смѣла тебѣ ввѣрить; я не Черкашенка и не Принцесса, какъ-то увѣряла Огуца. Жидъ, продавшiй меня ему, купилъ меня по седьмому году у моей матери, комедiянки города Агры, которая сама не знала, кто былъ мой отецъ. Ее-то спрашивали о природѣ одного изъ ея дѣтей; на что она дала извѣстный всѣмъ отвѣтъ, что для нее столь же трудно объявить, кому сiе дитя принадлежало,

жало, какъ и то узнать, которая спица ее уколетъ, естьли она въ терновникъ сядетъ. Привыкши такимъ образомъ поступать съ своими дѣтьми, продала она меня за тритцать золотыхъ одному Жиду, которому я понравилась, а особливо, надѣясь получить за меня со временемъ хорошій прибытокъ; и онъ къ воспитанію моему ничего не упускалъ. Узнавъ, что Султанъ Гузаратскій искалъ прекраснѣйшихъ дѣвъ во всемъ востокѣ для сыновей своихъ, вздумалъ сдѣлать меня участницею сей чести.

Ни одной банды комедіянтовъ не проѣзжало въ Камбаѣ, у которыхъ бы онъ не заставлялъ меня учиться танцовать и пѣть; и когда Огуцъ объявилъ свое намѣреніе торговцамъ невольниками, то въ то время училась я музыкѣ у одного изъ славныхъ музыкантовъ, которымъ я тѣмъ болѣе была довольна, что онъ нашелъ путь къ моему сердцу. У Жида была надъ нами начальницею старуха, которая насъ ни на минуту съ глазъ не спускала; присутствіе ея было намъ весьма несносно. Кафуръ, такъ назывался мой учитель, изыскивалъ всякіе способы ее обмануть, и наконецъ узнавъ, что она была великая охотница пить, принесъ ей въ одинъ день нѣкоего весьма пріятнаго напитка, отъ котораго она, выпивъ съ рюмку, впала въ преглубокій сонъ, продолжавшійся болѣе часа. Ты, любезный сынъ! легко можешь разсудить, что мы, имѣя согласныя сердца, не употребили толь желанное время на безплодное пѣніе, и по догадкамъ моимъ ты возъимѣлъ отъ того свое начало.

Примѣтя, что старуха просыпается, начали мы пѣть, и познавъ, что она нашего обману не примѣтила, употребляли оный еще нѣсколько разъ, какъ Жидъ объявилъ мнѣ, что надлежало итти на смотръ къ Султану. Я была поражена сею вѣдомостью; однако, не смѣя сопротивляться его волѣ, принуждена была слѣдовать за нимъ въ сераль. По нещастію попалась я въ число двенатцати невольницъ, выбранныхъ Огуцомъ; и естьли я чрезмѣрную радость чувствовала, что ни одинъ изъ Принцовъ не удостоилъ меня своимъ взоромъ, то оная была не продолжительна, видя, что сей Государь, купивъ насъ всѣхъ, въ тотъ же день велѣлъ мнѣ объявить чрезъ своего Визиря, что опредѣляетъ меня къ раздѣленію со мною своего ложа. Сіе привело меня въ крайнее отчаяніе; я стократно покушалась объявить Султану о склонности моей къ Кафуру; но опасаясь его свирѣпости и жестокихъ поступокъ Жида, ежели бы онъ меня ему возвратилъ, велѣла ему сказать, что я на желаніе его иначе не соглашусь, какъ ставъ его супругою. Сіе почитала я непобѣдимымъ препятствіемъ его любви; однако онъ прекратилъ сіе затрудненіе; и Иманъ, опасаясь его гнѣва, естьли бы рѣшилъ не въ его пользу, измѣнилъ своему закону, объявя, что не взирая на четырехъ его Султаншъ, могу быть его законною женою, и потому обвѣнчалъ насъ въ ту же минуту. Ты легко можешь познать, любезный сынъ! въ какое смятеніе приводилъ меня плодъ любви моей съ Кафуромъ; я принуждена была употребить хитрость,

трость, и казаться въ глазахъ его совсѣмъ иною; я сопротивлялась болѣе недѣли его желаніямъ, и онъ приписывалъ то моей стыдливости и неслыханному цѣломудрію; словомъ, я играла мою роль такъ хорошо, что Султанъ былъ обманутъ, и почиталъ себя благополучнѣйшимъ на свѣтѣ человѣкомъ; и какъ я ровно чрезъ девять мѣсяцовъ послѣ усыпленія старой начальницы тебя родила, то сей добросердечный Государь почелъ себя твоимъ отцемъ, и до самой своей кончины являлъ тебѣ нѣжнѣйшія ласки. И такъ, дражайшій Батфалъ! ни мало не удивительно, что я, будучи дочь комедіянтская, а ты сынъ музыкантской, имѣемъ мы согласныя съ природою нашею склонности, то есть, что я люблю Массуда, а ты Ильницу; и хотя ты отрекаешься отъ своего щастія, однако не могу не похвалить твоея страсти, и обѣщаюсь вспомоществовать тебѣ въ оной, сколько отъ меня зависѣть будетъ.

Естьли Батфалъ удивленъ былъ повѣствованіемъ своей матери, что онъ не сынъ Огуца: то сей Государь, который слушалъ оное изъ потаенныхъ покоевъ, пришелъ о томъ въ крайнее удивленіе и прискорбіе, и чуть было отъ того не лишился жизни; но по щастію Кофробъ, предвидя оное, находился при немъ; онъ вывелъ его изъ того мѣста, и проводилъ въ его покои, гдѣ дозволилъ ему удовлетворить своему раздраженію. Какъ! вскричалъ Огуцъ, возможно ли, чтобы я мерзскою тварью былъ обманутъ? Сіе показалось бы мнѣ невозмож-

нымъ, естьли бы я то не самъ слышалъ. О вѣроломная Гуль-Саба! продолжалъ онъ, не долго будешь ты злостiю своею наслаждаться; я отмщу тебѣ за оскорбленную честь мою такимъ ужасным образомъ, чтобы оный послужилъ примѣромъ потомству. Государь! сказалъ тогда Кофробъ, Пророку не угодно, чтобы Султаншу казнилъ ты смертiю; а сверьхъ того она и не такъ виновна. Вь ея ли состояло власти отъ произшедшаго избѣгнуть? Ей безъизвѣстна была честь, къ которой она приготовлялась, и она по слабости своей, согласясь на любовь Кафурову, какимъ образомъ могла скрыть лучше возпослѣдовавшее отъ того съ нею? И такъ она принуждена была тебя обмануть, и сiе тебѣ, Государь! показываетъ, что благополучiе человѣковъ только въ одномъ воображенiи. Ты около пятнатцати лѣтъ былъ съ Гуль-Сабою щастливъ для того, что мнилъ таковымъ быть; безпокойствiя же твои заставили тебя подозрѣвать, что ласки ея неискренiя; ты хотѣлъ то узнать, Пророкъ услышалъ твое прошенiе, паче для оправданiя другихъ Султаншъ, и для показанiя тебѣ ихъ чистосердечiя, нежели для собственнаго твоего удовольствiя; ибо для тебя можетъ быть гораздо бы лучше было, естьли бы ты всегда остался въ невѣденiи; но когда намѣренiе твое исполнено, то должно сдѣлать тобою предпрiятое, и на поступокъ сей подлой Султанши взирать только съ презрѣнiемъ, котораго она достойна. Ты говоришь справедливо, дражайшiй другъ! сказалъ Султанъ; но какъ теперь уже поздно,

й покой мнѣ нуженъ: то потщусь укротить волненіе моего сердца, въ которое приведенъ я былъ повѣстію Гуль-Сабы; ибо хотя поступки ея съ того времени, какъ я нахожусь въ сихъ сокровенныхъ покояхъ, и равнодушіе ея въ разсужденіи моей смерти и долженствовали меня пріуготовить къ какому странному произшествію; однако не могъ вообразить себѣ слышаннаго мною о рожденіи Батфала. Но послѣдуя премудрымъ твоимъ совѣтамъ и первымъ моимъ намѣреніямъ, соберусь конечно вскорѣ съ прежнимъ моимъ разсудкомъ.

Иманъ оставилъ Султана въ семъ расположеніи, и онъ препроводилъ ночь довольно спокойно. На другой же день Султанши, собравшись въ залъ, и объявя свое желаніе Муйяду слушать продолженіе приключеній Абдераима, продолжалъ онъ въ сихъ словахъ:

ВЕЧЕРЪ LXVIII.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Я остановился, помнится мнѣ, на томъ мѣстѣ, какъ отецъ мой и его товарищи отошли за версту отъ разграбленнаго города. Тамъ подлѣ небольшаго лѣсу трое солдатъ, будучи нетерпѣливѣе Абдераима, развязали свои мѣшки, изъ которыхъ каждый вынялъ молодую и прекрасную дѣвицу. Абдераимъ, надѣясь имѣть такую же судьбину, развязалъ свой мѣшокъ; но товарищи его подняли преужасный хохотъ, увидя въ немъ старуху лѣтъ во сто, которая

болѣе

болѣе на чорта, нежели на человѣка походила. Отецъ мой приведенъ тѣмъ былъ въ неописанное удивленіе, и чуть было съ сердцовъ не умеръ; насмѣшки же его товарищей, которые его оставили, чтобы не помѣшать ему, какъ-то они смѣючись говорили, въ толь прекрасномъ свиданіи, побудили его къ такой ярости, что онъ, выхватя саблю, хотѣлъ было старуху изрубить въ куски, какъ взошедъ вдругъ въ себя, вложилъ саблю въ ножны: не ты въ томъ виновна, сказалъ онъ ей, когда не получилъ я лучшаго билета. Извини первое мое движеніе, и наслаждайся свободою, которую тебѣ дарую; я конечно не тѣмъ рожденъ, чтобы быть благополучнымъ. Ты, Абдераимъ! думаешь несправедливо, сказала ему старуха; а чтобы тебя въ томъ удостовѣрить, то дай мнѣ руку; я покажу тебѣ дѣйствія моей власти.

Отецъ мой подалъ старухѣ руку, и чуть только топнула она ногою о землю, какъ оная вдругъ разверзлась, и они, полетя въ оную съ чрезмѣрною скоростію, увидѣли себя наконецъ подлѣ огромныхъ палатъ, въ коихъ покои убраны были наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ, и подлѣ коихъ находились необозримые сады; вмѣсто же старухи увидѣлъ онъ предъ собою женщину совершенной красоты и величественнаго вида. Ты произшествію сему удивляешься, сказала она ему; но познай, что я-то славная волшебница Мертіанъ-Бану, которая извѣстна во всѣхъ вашихъ романахъ, и изъ числа тѣхъ прекрасныхъ духовъ,

кои

кои стараются дѣлать людямъ всякое добро. Какъ я взяла подъ свое защищеніе трехъ красавицъ, которыя въ разграбленномъ вами городѣ жили, и которыхъ хотѣла избавить отъ насильствія свирѣпыхъ вашихъ воиновъ: то пошла къ нимъ въ домъ, и учинила имъ вспомоществованіе въ самое удобное время; послѣ чего, желая повеселиться, допустила я себя захватить и завязать въ мѣшокъ въ образѣ старухи, дабы испытать, будетъ ли имѣть человѣколюбіе тотъ, которому я на удѣлъ достанусь. Ты по щастію твоему наполненъ честностію: я хочу тебя за то наградить; но сперва должно тебѣ показать всѣ красоты сего дворца, который прежде сего принадлежалъ Рокаилу сыну Адамову. Сей великій человѣкъ, обладая величайшими познаніями, былъ одаренъ толь острымъ и проницательнымъ разумомъ, что болѣе походилъ на какого великаго духа, нежели на человѣка.

Сурктражъ, который въ его время былъ сильнымъ духомъ, повелѣвалъ тогда во всей обширности горы Кафы, окружающей всю землю. Узнавъ достоинство Рокаила, послалъ къ нему съ прошеніемъ, чтобы онъ помогъ ему въ управленіи его государствами, имѣя нужду въ толь искусномъ человѣкѣ для обузданія его подданныхъ. Сей славный Философъ согласился на его прозьбу, къ нему поѣхалъ, жилъ съ нимъ нѣсколько вѣковъ, и по томъ узнавъ чрезъ откровеніе, или чрезъ тайныя свои науки, что конецъ жизни его приближается, изъяснился Сурктражу, что онъ, будучи при послѣднихъ дняхъ своей

жизни,

жизни, хочетъ оставить ему какой чрезвычайный монументъ, котораго бы память сохранилась въ честь его до позднѣйшаго потомства; и для того повелѣлъ воздвигнуть сіе толь великолѣпное зданіе, что во всей вселенной нѣтъ оному ничего подобнаго; онъ построилъ оное съ такою хитростію, что здѣсь находится великое множество статуй изъ разныхъ металловъ, которыя талисманическимъ художествомъ сдѣланы, и посредствомъ тайныхъ пружинъ производятъ все то, что живый человѣкъ можетъ дѣлать для услуги другому. То можешь ты познать, продолжала волшебница, только по ихъ глазамъ, которые всегда неподвижны.

Рокаилъ, спустя по томъ нѣсколько времени, умеръ, и Сурkгражъ чувствовалъ отъ того толь пресильную печаль, что твердо вознамѣрился оставить свое государство. Онъ поручилъ оное обществу Перицовъ, которые отдали оное въ мою власть, и я управляю имъ тому уже нѣсколько тысячь лѣтъ со всевозможнымъ спокойствіемъ, слѣдуя во всемъ премудрымъ совѣтамъ сего великаго мужа, которые написаны по моему повелѣнію златыми буквами, и хранятся въ моемъ кабинетѣ, какъ драгоцѣннѣйшее какое сокровище.

Тогда Мергіанъ-Бану отвела моего отца въ великолѣпный залъ, и онъ пришелъ въ крайнее удивленіе, увидя тамъ тѣмъ трехъ красавицъ, которыхъ товарищи его изъ мѣшковъ своихъ выняли, и познавъ отъ нихъ, что въ ту самую минуту, когда располагались они по-

ступить съ ними какъ съ невольницами, волшебница пустила на мѣсто ихъ трехъ мартышекъ, которыя поскакали на деревья, и сихъ воиновъ оставили въ толь великомъ изумленіи, что они еще и теперь не могутъ очувствоваться. Вотъ, сказала ему волшебница, награжденіе за услугу, оказанную мнѣ сими прекрасными дѣвами. По обыкновенію волшебства обязаны мы одинъ день въ недѣлѣ принимать на себя образъ какого звѣря, и въ сіе только время подвержены мы бываемъ всякимъ человѣческимъ прискорбіямъ, и самой смерти. Тому около трехъ мѣсяцовъ превращена я была въ лягушку. Крестьянинъ, идучи по берегу рѣки, на которой я волнами была заброшена, хотѣлъ было меня убить, какъ сіи три сестры, тронувшись жалостію, просили его не причинять мнѣ никакого зла. Для полученія отъ него сей милости требовалъ онъ отъ нихъ по поцѣлую и по одной деньгѣ; и хотя имъ весьма не хотѣлось поцѣловаться съ такимъ дуракомъ, однако для спасенія моей жизни согласились на его требованіе, и взявъ меня изъ его рукъ, бросили обратно въ воду. Съ того времени оказываю я имъ всякое благодѣяніе, и пріуготовляю для нихъ такое щастіе, которое величайшихъ красавицъ во всемъ востокѣ можетъ привесть въ зависть.

ВЕЧЕРЪ LXIX.

Продолженіе исторіи Абдераима, почитаемой Муйядомъ.

Отецъ мой, прошедъ съ Мергіанъ-Бану чрезъ всѣ палаты, въ которыхъ находилъ вездѣ

дѣ удивленія достойныя вещи, возвратился въ залъ, гдѣ поставленъ былъ столъ, наполненный вкуснѣйшими ѣствами, и при которомъ прислуживали тѣ одушевленныя статуи съ такимъ искусствомъ и проворствомъ, что и самые лучшіе служители не могли бы такъ сдѣлать. Ночь препроводилъ онъ въ великолѣпномъ покоѣ, и поутру волшебница, пришедъ къ нему, говорила такъ: Абдераимъ! для награжденія тебя за поступокъ хочу сдѣлать тебѣ нѣкоторое даяніе; но ты пользоваться имъ будешь только одинъ годъ, начиная съ сего дня; ты можешь, когда желаешь, принимать на себя видъ трехъ первыхъ звѣрей, которые тебѣ по выходѣ твоемъ изъ сихъ палатъ попадутся, и ты какъ въ ихъ, такъ и въ своемъ образѣ, будешь невредимъ, и отъ всего безопасенъ; во все сіе время не будешь ты имѣть ни въ чемъ недостатку, и произнеся только мое имя, увидишь меня всегда готовою къ оказанію тебѣ всякихъ услугъ, только лишь бы оныя съ разумомъ были соглашены. Во всей вселенной только одна волшебница, противъ которой власть моя безполезна. Шейтанъ-Кули, то есть раба діяволу, которая старается только о томъ, чтобы всѣмъ зло дѣлать, уѣдавъ о моемъ тебя защищеніи, не упуститъ конечно ни единаго случая тебѣ злодѣйствовать; однако въ сей годъ не можетъ она ничего надъ тобою сдѣлать, только ты всякое утро проснувшись, произноси сіи священныя слова, которыя удаляютъ отъ насъ діявола, и во тьму кромечную низвергаютъ: *Энь ла иллаллаце Мугемедь-Уль Ресуль Уллагъ.*

Теперь

Теперь остается мнѣ тебя спросить, не почувствовалъ ли ты чего къ которой нибудь изъ сихъ трехъ прекрасныхъ дѣвъ, коихъ ты вчера въ сихъ палатахъ видѣлъ? Отецъ мой смутился симъ вопросомъ; но волшебница требовала отъ него чистосердечнаго признанія: Великая Мергіанъ - Бану! сказалъ онъ ей тогда, никто не можетъ разполагать своимъ сердцемъ по своему произволенію; сіи прекрасныя особы въ родѣ своемъ совершенны; но когда ты мнѣ повелѣваешь открыться тебѣ въ моихъ чувствованіяхъ, то признаюсь тебѣ, что ни одна изъ нихъ не произвела во мнѣ никакого дѣйствія. Это мнѣ досадно, сказала мнѣ волшебница; естьли бы ты которую нибудь изъ нихъ себѣ избралъ, то былъ бы гораздо щастливѣе и спокойнѣе; но я не хочу тебя принуждать, выбирай себѣ, въ какое мѣсто должна я тебя перенести. Преславная Мергіанъ - Бану! сказалъ на то мой отецъ, когда защищеніемъ твоимъ и учиненнымъ тобою мнѣ даяніемъ нѣтъ на свѣтѣ такого щастія, котораго бы я не могъ искать, то повели проводить меня въ земли Султана Каризмскаго. Я тебя разумѣю, подхватила волшебница; ты слыхалъ о Принцессѣ Царатъ - Алъ - Ріядѣ его дочери, которая чудомъ красоты почитается. Изрядно, я тебя туда провожу; однако примѣть хорошенько трехъ первыхъ звѣрей, которые тебѣ попадутся, и пользуйся сей годъ моими тебѣ даяніями и защищеніемъ; по прошествіи же сего времени не надѣйся отъ меня никакой помощи; сіе угодно судьбамъ. Тогда волшебница, схватя моего отца, побѣжала съ нимъ съ чрезвы-

чайною скоростію, и принеся его въ лѣсъ версты за три отъ города Каризмы, скрылась отъ него вдругъ.

Мѣсто, въ коемъ земля разверзлась, было подъ самымъ жилищемъ преужаснаго льва, который, испужавшись отъ произшедшаго подъ нимъ стука, въ бѣгъ обратился. Изрядно, вскричалъ мой отецъ, я буду принимать на себя сей образъ. Тогда, выходя изъ лѣсу, и продолжая путь свой къ городу Каризму, увидѣлъ онъ пребольшую крысу подлѣ норы, а спустя нѣсколько минутъ небольшая золотая бабочка села къ нему на руку. Это конечно, сказалъ онъ, тѣ два другіе звѣря, о которыхъ мнѣ Мергіанъ-Бану говорила. Тогда для испытанія превращаясь во льва, въ крысу и въ бабочку, принялъ на себя прежній свой образъ, подъ которымъ пошелъ къ городу Каризму. Онъ удивился, увидя, что оный окруженъ со всѣхъ сторонъ сорокью тысячами человѣкъ подъ предводительствомъ Хана Нагайскихъ Татаръ; и освѣдомляясь отъ солдатъ о причинѣ несогласія сихъ двухъ Государей, узналъ, что Ибатъ-Аллахъ, Султанъ Каризмскій, отказалъ свою дочь Хану Татарскому, для того что выключая наименованія его Немеромъ, то есть тигромъ, даннаго ему его подданными по причинѣ его звѣркости, былъ онъ слишкомъ въ семьдесятъ лѣтъ и такъ безобразенъ, что на него не можно было смотрѣть безъ омерзѣнія. Немеръ, раздражась симъ отказомъ, пришелъ въ толь сильный гнѣвъ, что клялся разрушить сіе государство, всѣхъ обоего

пола

пола жителей онаго сдѣлать невольниками, и отрубить своими руками голову Султану Каризмскому и Принцессѣ.

Абдераимъ, увѣдавъ о несправедливости Хана, и тронувшись нещастіями Царатъ-Алъ-Ріяды, о красотѣ которой всѣ столь много говорили, вознамѣрился спомоществовать ей въ толь крайней нуждѣ; но прежде самъ хотѣлъ узнать достоинство сей Принцессы: для сего превратился онъ въ бабочку, и пробравшись безъ всякаго затрудненія чрезъ непріятельскій лагерь, полетѣлъ прямо во дворецъ, и пробрался тамъ до самаго того покоя, въ которомъ Принцесса почивала.

Ничего еще не видывалъ онъ толь прекраснаго; природа истощилась, созидая толь совершенную Принцессу. Тогда было еще весьма рано, и онъ имѣлъ время разсмотрѣть всѣ ея прелести; и какъ во дворцѣ вездѣ глубокая тишина царствовала, то Абдераиму вздумалось принять на себя обыкновенный свой образъ, только отъ Мергіанъ-Бану требовалъ, чтобы въ пристойной былъ одеждѣ; и увидя себя въ великолѣпномъ платьѣ, сталъ на колѣни подлѣ кровати Принцессиной, и взявъ у ней руку, которая висѣла, цѣловалъ ее съ такимъ восторгомъ, что она проснулась. Легко можно познать, въ какой ужасъ приведена была Царатъ-Алъ-Ріяда, видя себя, такъ сказать, во объятіяхъ мущины, и еще такого, который былъ совсѣмъ незнакомъ. Отецъ мой хотѣлъ было изъяснить ей причину своего посѣщенія; но она подняла такой крикъ, что жен-

щины ея и евнухи на помощь къ ней прибѣжали, въ разсужденіи чего онъ почелъ за нужное превратиться паки въ бабочку, и сѣлъ въ головахъ на кровати сей Принцессы.

ВЕЧЕРЪ LXX.

Продолженіе исторіи Абдеранма, повѣствуемой Муйядомъ.

Царатъ-Алъ-Ріяда старалась всячески увѣрять, что она въ комнатѣ своей видѣла мущину; однако никто не хотѣлъ ей въ томъ вѣрить, и всѣ ея слова почитали дѣйствіемъ сновидѣнія. Султанъ же, ея отецъ, пришедъ къ ней, говорилъ, что весьма неразумно увѣрять положительнымъ образомъ о такихъ дѣлахъ, которыя совсѣмъ невозможны; и что естьли о томъ говорить не перестанетъ, то всякой долженъ будетъ почесть ее сумасшедшею.

Принцесса приведена была въ крайнее безпокойство, и не знала, что о семъ толь странномъ приключеніи думать; она заперлась въ своемъ кибинетѣ, проливала горчайшія слезы. Сколь я нещастлива! вскричала она, я не только должна оплакивать то жалостное состояніе, въ которомъ нынѣ находимся, но должна сносить и то, что меня сумасшедшею почитаютъ. Ахъ! кто бы ты таковъ ни былъ, котораго я сего утра видѣла, человѣкъ, или духъ, я тебѣ прощаю твое дерзновеніе, только предстань предъ меня теперь въ томъ же видѣ; присутствіе твое не устрашитъ меня болѣе, я клянусь главою

вою моего родителя, что сохраню тебѣ ненарушимое таинство, ежели отъ меня того потребуешь.

Царать-Алъ-Ріяда не успѣла еще произнести сихъ послѣднихъ словъ, какъ Абдераимъ предъ нее предсталъ, и видя, что она весьма смутилась: успокойся, милостивая государыня! сказалъ онъ ей, почтеніе мое къ тебѣ никогда не доведетъ меня до нарушенія должности моей къ таковой особѣ. Узнавъ какимъ мерзскимъ образомъ Султанъ Немеръ поступаетъ съ вами, пришелъ я къ вамъ на помощь, и надѣюсь всѣ намѣренія его разрушить. Но только, прекрасная Принцесса! угодны ли тебѣ будутъ мои предпріятія? Будучи подъ защищеніемъ у сильнѣйшей изъ Перицъ, именемъ Мергіанъ-Бану, дерзнулъ я простерть мои желанія до Принцессы Каризмской; дозволено ли же мнѣ будетъ ожидать благосклонныхъ взоровъ отъ прекраснѣйшей во всемъ свѣтѣ особы?

Принцесса во время сей рѣчи смотрѣла на Абдераима съ особливымъ вниманіемъ; онъ былъ собою прекрасенъ и молодъ, и казался ей чрезвычайною властію одареннымъ. Сравнивая его съ престарѣлымъ Татарскимъ Ханомъ, который сверьхъ того имѣлъ весьма отвратительный видъ, легко дала ему предъ нимъ преимущество. Кто бы ты таковъ ни былъ, сказала она ему, для меня все то будетъ пріятно, что ты для освобожденія насъ отъ притѣсненія Немерова учинить вздумаешь, за что буду тебѣ чувствительнѣйшею благодарностію обязана, однако скажи

мнѣ, чего ты за сію толь важную услугу отъ меня потребуешь? Свободу, милостивая государыня! подхватилъ Абдераимъ, говорить тебѣ всегда, что я тебя обожаю, и надежды, что когда нибудь трону твое сердце. Государь! отвѣтствовала на то Цаpатъ-Алъ-Ріяда съ нѣкоторою стыдливостію; люби, надѣйся, но знай, что я завишу отъ Ибатъ-Аллаха; изспроси меня у него: естьли онъ повелитъ мнѣ внимать твоимъ желаніямъ, то будь увѣренъ, что я къ сему союзу не буду имѣть ни малѣйшаго отвращенія. Отецъ мой бросился къ ногамъ Принцессинымъ, и обнимая ихъ, хотѣлъ было ей изъявить, сколь чувствительны ему ея милости, какъ вдругъ въ побочной комнатѣ услышали шумъ; въ разсужденіи чего почелъ онъ за нужное скрыться; и чуть только превратился онъ въ бабочку, какъ Султанъ Каризмскій взошелъ къ ней въ кабинетъ, являя на лицѣ своемъ знаки жесточайшія скорби. Ахъ, любезная дочь! вскричалъ онъ, я теперь увѣдомился, что Ханъ имѣетъ переписку съ нѣкоторыми изъ обывателей сего города; я еще трепещу отъ ужаса, воспоминая, что въ наступающую ночь сговорились было тебя и меня ему выдать; но по щастію узналъ я о семъ предпріятіи, и измѣнники наказаны достойнымъ образомъ; я повелѣлъ удвоить вездѣ караулы, и стражу городскихъ воротъ вручилъ людямъ извѣстной мнѣ вѣрности. Но всего болѣе безпокоитъ меня требованіе Немерово поединка; у него есть слонъ толь ужасной величины, что такого ни въ силѣ ни въ мужествѣ никто никогда не видывалъ; въ послѣд-

слѣднее сраженіе произошло отъ него извѣстное намъ всѣмъ жестокое кровопролитіе. Ханъ велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я противъ его выслалъ человѣка, или какого сильнаго звѣря, съ тѣмъ, что онъ со всѣми своими войсками отступитъ, ежели слонъ его побѣжденъ будетъ; а въ противномъ случаѣ предались бы мы въ его волю. Для чего собиралъ я мой совѣтъ, и всѣ наполнились отъ того ужасомъ. Я велѣлъ объявить сей поединокъ во всемъ Каризмѣ; но ни одинъ изъ нашихъ воиновъ не осмѣлился на оный отважиться; Немеръ же прислалъ ко мнѣ сказать, что естьли ввечеру не дамъ ему отвѣта, то онъ завтра поутру учинитъ генеральный приступъ, и все предастъ мечу.

Принцесса, смущенная сею вѣстію, не могла отъ слезъ удержаться; по томъ, положась на обѣщанія Абдераима: Государь! сказала она Султану, можетъ быть Пророкъ призритъ на насъ милосердымъ окомъ; и для полученія отъ него вспомоществованія совѣтовала бы я повелѣть усугубить моленія во всѣхъ мечетяхъ; легко станется, что онъ пошлетъ къ намъ неожидаемую помощь.

Султанъ хвалилъ совѣтъ своей дочери; и какъ скоро оставилъ ее для исполненія ею предложеннаго, то отецъ предсталъ предъ нее паки: я слышалъ твой разговоръ съ Султаномъ, сказалъ онъ ей, и могу тебя, прекрасная Принцесса! увѣрить, что завтра побѣжду слона Немерова. Посовѣтовавъ прежде съ Мергіанъ-Бану, пойду я къ Ибатъ-Аллаху, и въ награжденіе

 моей

моей побѣды стану отъ него твоей руки требовать, потому что ты мнѣ то позволяешь. Я даю ее тебѣ напередъ, отвѣтствовала она ему; но помни, что мнѣ жизнь твоя нужна, и такъ старайся ее сохранить.

Абдераимъ цѣловалъ стократно руку у прекрасной Царатъ-Алъ-Ріяды, и увидясь съ волшебницею своею защитницею, пошелъ онъ по ея совѣту къ Султану Каризмскому: Милостивый государь! сказалъ ему, познавъ о твоихъ безпокойствіяхъ, пришелъ я сюда предложить тебѣ мои услуги; я обѣщаю тебѣ поразить слона Татарскаго Хана. Я еще болѣе сдѣлаю: мнѣ не безъизвѣстна невѣрность сего Султана, и знаю я, что онъ ни малаго не имѣетъ желанія сдержать данное имъ тебѣ слово, когда сей звѣрь побѣжденъ будетъ; я завтра же принесу его голову къ твоимъ ногамъ, и воины твои порубятъ все его войско; но дозволь, чтобы я сей побѣдѣ положилъ цѣну, и чтобы рука Принцессина была за то наградою. Побуждаемъ будучи сею надеждою, нѣтъ ничего на свѣтѣ, на что бы я не покусился.

Храбрый незнакомецъ! сказалъ Султанъ, кто бы ты таковъ ни былъ, не можешь толь труднаго дѣла исполнить, не обладая сверьхъестественною силою; естьли ты сдержишь свое слово, то клянусь тебѣ всемъ священнѣйшимъ въ нашемъ законѣ соединить тебя съ нею, когда она на то согласится. Я уже симъ доволенъ, милостивый государь! сказалъ Абдераимъ; пошлите сказать Хану, что завтра по-

утру

утру можетъ прислать своего слона въ назначенное имъ для сраженія мѣсто; я пущу на него неустрашимаго льва, и послѣ одержанной имъ побѣды надъ симъ ужаснымъ звѣремъ нападу съ твоими воинами на невѣрныхъ Татаръ. Не страшись ихъ многолюдства, я имѣю таинство сдѣлать луки ихъ безполезными, и мы учинимъ надъ ними такое кровопролитіе, что врядъ уйдетъ ли изъ нихъ въ свою землю хотя одинъ.

ВЕЧЕРЪ LXXI.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Хотя обѣщанія Абдераимовы казались невесьма вѣроятными; однако увѣрительный видъ, съ которымъ онъ дѣлалъ оныя, привели Султана Каризмскаго въ спокойствіе. Онъ послалъ сказать Немеру, что на предложенія его соглашается, и что съ десятью тысячами войскъ выведетъ онъ льва для сраженія съ его слономъ. Естьли сей отвѣтъ удивилъ Татарскаго Хана, то въ Каризмѣ произвелъ величайшую радость, и всякой ожидалъ дня съ крайнею нетерпѣливостію. Между тѣмъ временемъ Ибатъ-Аллахъ для ободренія моего отца почелъ за нужное показать ему Принцессу. Онъ проводилъ его въ ея комнаты, и представя его ей: любезная дочь! сказалъ онъ, указывая ей на Абдераима, сей младый воинъ возбуждаетъ во мнѣ всю мою надежду. Сколь ни трудно исполненіе имъ мнѣ обѣщаннаго; однако слова его въ томъ

меня удостовѣряютъ. Естьли по щастію опровергнешъ онъ нашего непріятеля, то, я думаю, не отречешься ты избрать его своимъ супругомъ.

Царатъ-Алъ-Ріяда, притворяясь приведенною быть въ удивленіе взоромъ Абдераимовымъ: милостивый государь! сказала она Султану, я пріемлю ваши повелѣнія съ должнымъ повиновеніемъ; сіи обѣщанія предвѣщаютъ мнѣ тѣмъ болѣе, что представленный тобою тотъ самый, котораго я сего утра въ комнатѣ моей видѣла, и присутствіе котораго меня столь много ужаснуло. Я не знаю, сонъ ли то былъ, или въ самомъ дѣлѣ; однако кажется, что онъ обладаетъ сверхъестественною властію, и въ состояніи исполнить такія дѣла, кои совсѣмъ невозможными быть кажутся. Султанъ началъ мнѣнію дочери своей смѣяться: пожалуй оставь, сказалъ онъ ей, ночныя твои видѣнія, а паче препоручай будущаго твоего супруга милосердію нашего Пророка. Милостивый государь! сказалъ тогда Абдераимъ, Принцесса можетъ быть говоритъ истинну; я не смѣю васъ увѣрить, чтобы она меня видѣла; однако скажу на вѣрное, что объявленное ею не мечта. Я изъ вашихъ словъ ничего не понимаю, примолвилъ Султанъ, думая, что отецъ мой хотѣлъ польстить его дочери. Станемъ лучше помышлять о избавленіи насъ отъ такого непріятеля, отъ котораго претерпѣлъ я толико оскорбленій. Положитесь въ томъ на меня, сказалъ тогда Абдераимъ; я могу васъ увѣрить, что завтра поутру увидите вы великую перемѣну во всемъ госу-

государствѣ. Дай Боже, чтобы ты намѣренія свои исполнилъ! сказалъ Султанъ; но теперь время оставить Принцессу въ покоѣ. Тогда, взявъ моего отца съ собою, и сдѣлавъ для него великолѣпный ужинъ, повелѣлъ отвести его въ особливые покои для препровожденія тамъ ночи.

Поутру весьма рано Ибатъ-Аллахъ, вышедъ изъ Каризмы съ десятью тысячами человѣкъ, нашелъ слона на назначенномъ къ бою мѣстѣ, и Татары старались его сердить, такъ что сей звѣрь началъ уже приходить въ нетерпѣливость, не видя своего непріятеля, какъ вдругъ вышелъ изъ города преужасный левъ, который размахивалъ хвостомъ на всѣ стороны, и страшнымъ своимъ крикомъ показывалъ Татарамъ, сколь сильное желаніе имѣетъ онъ сразиться съ соперникомъ, толь достойнымъ его мужества.

Прежде нежели разскажу вамъ о семъ сраженіи, продолжалъ Муйядъ, приведу вамъ на память, великія Перицы! что вамъ конечно не безъизвѣстно, что звѣри одного рода имѣютъ между собою знаки, или произношенія, посредствомъ которыхъ они другъ друга разумѣютъ. Отецъ мой, узнавъ о томъ отъ Мергіанъ-Бану, чуть только на канунѣ сраженія остался одинъ, то отворя окошко, и превратясь въ бабочку, вылетѣлъ изъ дворца, и достигнувъ до городской площади, превратился въ крысу, при чемъ нѣкоторымъ крикомъ, служащимъ у сихъ звѣрковъ сзывомъ, собралъ менѣе нежели въ полчаса всѣхъ находящихся въ городѣ крысъ. Тогда, изъ-

изъясня имъ на своемъ языкѣ свое намѣреніе, вышелъ съ ними изъ города, и пошелъ прямо въ Татарской лагерь, гдѣ, раздѣля свое войско, которое болѣе нежели изъ осьми тысячь состояло, по разнымъ частямъ сей арміи, повелѣлъ каждой крысѣ перегрызть тетивы у луковъ всѣхъ Татаръ, кои тогда въ глубокомъ снѣ находились; и крысы исполнили повелѣнія его съ такимъ успѣхомъ, что тетивы остались на одной весьма тонинькой ниточкѣ.

По учиненіи сего дѣйствія, произведеннаго весьма тайнымъ образомъ, отецъ мой отвелъ крысъ обратно въ городъ, и прiявъ на себя прежній свой образъ, отдохнулъ нѣсколько часовъ; послѣ чего поутру весьма рано, обратясь во льва, вышелъ на Каризмскую плсщадь, въ провожаніи двухъ черныхъ невольниковъ, приставленныхъ къ нему отъ Мергіанъ-Бану, и съ ними пришелъ наконецъ на назначенное для сраженія мѣсто.

Слонъ и левъ, взирая другъ на друга нѣсколько времени съ великою яростію, вступили напослѣдокъ въ преужасный бой, каковаго еще никогда не видывали. Естьли слонъ обладалъ непонятною силою, то левъ, будучи отъ всякаго поврежденія безопасенъ и исполненъ неописанымъ проворствомъ, нападалъ на него съ такимъ искусствомъ, что сему тяжелому звѣрю весьма много труда стоило отъ когтей и острыхъ зубовъ его защищаться. Тщетно ударялъ онъ льва своимъ хоботомъ съ великою силою; тщетно старался онъ разпороть его своими

ими клыками. ЛевЪ уклонялся сЪ великимЪ проворствомЪ отЪ нападеній своего непріятеля. Наконецъ болѣе нежели по двучасномЪ сраженіи левЪ схватилЪ слона за хоботЪ, разорвалЪ оный, и выколупя ему глаза своими когтями, повалилЪ слона, при чемЪ, вскоча ему на горло, задавилЪ его сЪ такою же легкостію, какЪ бѣлку.

Градскія Каризмскія стѣны, наполненныя зрителями, раздавались тогда радостными криками, и десять тысячь воиновЪ, предводительствуемыхЪ ИбатЪ-АллахомЪ, отвѣтствуя симЪ крикамЪ, привели ТатарЪ вЪ такое сердце, что по повелѣнію Немерову устремились на нихЪ вооруженною рукою; но АбдераимЪ, пріявши человѣческой свой образЪ, и присоединясь кЪ Султану Каризмскому, предупредилЪ ТатарЪ, которые, желая употребить свои луки, приведены были вЪ крайнее удивленіе, видя, что оные бездѣйствительны. Сіе толь неожидаемое ими приключеніе устрашило ихЪ чрезмѣру, и Каризмскіе воины, опорожня свои калчаны, напали на нихЪ сЪ саблями, и менѣе четверти часа не оставили почти ни одного Татарина вЪ живыхЪ.

ОтецЪ мой, стараясь всячески сыскать жестокаго Немера, имѣлЪ кЪ тому не много труда, и по упорномЪ сЪ нимЪ сраженіи, отрубя ему голову, принесЪ ее кЪ ногамЪ Каризмскаго Султана. Легко можно познать, сколь великую радость чувствовали ИбатЪ-АллахЪ и Принцесса, видя все произходившее; всѣ почитали Абдераима первымЪ избавителемЪ Каризмскаго государства,

ства, и Султанъ, хотя сдержать данное имъ ему слово, въ тотъ же день сочеталъ его съ Царатъ·Алъ-Ріядою.

Не можно довольно описать чрезмѣрнаго удовольствія моего родителя и его супруги. Цѣлые три мѣсяца производились великія торжества; послѣ чего Султанъ, желая учинить Абдераима своимъ наслѣдникомъ, вознамѣрился возить его по всѣмъ городамъ своего государства, и привести всѣхъ своихъ подданныхъ въ томъ къ присягѣ. Онъ исполнилъ свои намѣренія. Прибывъ между прочимъ въ одинъ городъ, лежащій на берегу моря, приняты они были тамошнимъ градоначальникомъ съ великою пышностію и великолѣпіемъ; и въ одинъ день, вознамѣрясь сдѣлать для нихъ нѣкоторый родъ увеселенія, предложилъ имъ итти на ловлю жемчуга. Предложеніе его было съ особливымъ удовольствіемъ принято: Султанъ, Абдераимъ и его супруга, которая въ семъ путешествіи также съ ними находилась, сѣли на великолѣпное судно, и прибыли на мѣсто ловли, которой надлежало трои сутки продолжаться. Первые два дни имѣли они отъ того великое утѣшеніе; но въ ночи на третій день празднество сіе продолжалось весьма долго, и Абдераимъ отъ Ширацкаго вина подвеселясь, проспалъ поутру пожже обыкновеннаго. Его ожидали для начатія ловли, и онъ, проснувшись, то примѣтилъ; въ разсужденіи чего, одѣвшись наскоро, взошелъ къ прочимъ на судно, и позабылъ произнести тѣхъ словъ, которыя по повелѣнію

Мер-

МергіанЪ - Бану проговаривалЪ онЪ всякое утро: И какЪ одинЪ ловитель подавалЪ ему раковину, вЪ которой чрезвычайной красоты жемчужина находилась: то отецЪ мой, протянувЪ руку для принятія оной, вдругЪ почувствовалЪ, что схватила его за нее страшнаго вида женщина, которая утащила его сЪ собою вЪ ту же самую минуту на дно морское.

ВЕЧЕРЪ LXXII.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Ничто не можетЪ сравниться сЪ удивленіемЪ и печалію, вЪ которыя приведены были тогда ЦаратЪ - АлЪ - Ріяда и СултанЪ. Приказали немедленно вынырнуть и стараться, какЪ возможно, извлечь отца моего изЪ рукЪ сей ехидной; но всѣ старанія ихЪ были тщетны, и ЦаратЪ - АлЪ - Ріяда и родитель ея, предавшись жесточайшему отчаянію, принуждены были возвратиться вЪ городЪ, не имѣя болѣе надежды увидѣться когда нибудь сЪ нещастнымЪ АбдераимомЪ.

Принцесса Каризмская, терзаясь жесточайшею печалію, удалилась вЪ свой покой, убитой вмѣсто обоевЪ разнымЪ деревомЪ, и находящійся кЪ морю; тамЪ проливала она горчайшія слезы о лишеніи любезнаго ей супруга, и хотя опереться обЪ одну стѣну, увидѣла, что оная вдругЪ растворилась и представила ей кабинетЪ, наполненный картинами, изображающими всю исторію Абдераима даже до тѣхЪ порЪ, какЪ похищенЪ онЪ былЪ волшебницею ШейтанЪ-Кули; ибо то была она.

Раз-

Разсматривая сіи картины, приведена она была въ крайнее удивленіе, увидя на находящемся въ семъ кабинетѣ столикѣ разкрытую книжку, въ которой слѣдующія слова стояли: *Принцесса! естьли хочешь обрѣсти твоего супруга, то проглоти три капли находящагося подъ симъ столомъ напитка; ты въ туже минуту превратишься въ орла, и въ семъ образѣ полети въ Египетъ на гору Гебель Теиръ, гдѣ чрезъ недѣлю всѣ вокругъ оной живущія птицы соберутся помощію одного привлекающаго ихъ туда талисмана, и посредствомъ котораго остаются онѣ тамъ до вечера; послѣ чего онѣ оттуда улетаютъ, выключая одной, которая остается тамъ съ потупленнымъ въ одинъ превеликій камень носомъ до тѣхъ поръ, пока по прошествіи года въ тотъ же самый день не вступитъ на ея мѣсто другая. Завладѣй симъ камнемъ, то есть, вступи на мѣсто такової птицы, и когда всѣ прочія отлетятъ, то произнеси по внутренности тѣ божественныя слова, которыя супругъ твой позабылъ произнести; оныя же суть:* Энъ ла Иллалаве Мугеметъ Улъ Ресулъ Уллагъ. *Тогда познаешь ты, что тебѣ должно будетъ дѣлать для спасенія Абдераима.*

Царатъ-Алъ-Ріяда читала нѣсколько разъ длинное сіе наставленіе, и затвердя сіи божественныя слова, проглотила нѣсколько капель помянутой воды: тогда вдругъ почувствовала себя покрытою перьемъ, и поднявшись на воздухъ,

духъ, устремила свой полетъ къ Египту, гдѣ по семидневномъ тяжкомъ пути пристала на назначенную гору. Тамъ, приближась къ сидящей, потупя носъ, птицѣ, сражалась съ такимъ усиліемъ со всѣми тѣми, которыя ей мѣсто сіе возбраняли, что наконецъ завладѣла онымъ; и какъ наступилъ вечеръ и всѣ птицы оттуда разлетѣлись, то и у ней носъ воткнулся въ находящійся тамо камень; но какъ скоро произнесла она вытверженныя ею слова, то оный разтворился, и она, обратясь въ прежній свой образъ, сошла чрезъ лѣстницу, блестящую отъ изумрудовъ и яхонтовъ, въ великолѣпный залъ, освѣщаемый только одною золотою лампадою, висящею надъ гробницею самаго чистаго хрусталя, въ ногахъ которой стояло дерево съ тремя золотыми вишнями. Сколь велико было ея прискорбіе, когда подъ сею гробницею увидѣла она дражайшаго своего Абдераима до пояса обнаженна и мучительскимъ образомъ избита! Сіе толь плачевное позорище чуть было не лишило ее жизни; она покушалась разбить сію гробницу; но отецъ мой говорилъ ей слабымъ голосомъ, что всѣ ея старанія будутъ безполезны, и что симъ способомъ не можетъ она изторгнуть его изъ толь жалостнаго состоянія. Дражайшій свѣтъ моей жизни! сказалъ онъ ей, сорви золотыя вишни, положи ихъ себѣ въ ротъ, ступай поскорѣй на лѣстницу, обратись паки въ птицу, и возвратись въ своей кабинетъ, гдѣ, переверня листъ читанной тобою книги, исполни предписанное тебѣ въ оной отъ Мергіанъ-Бану для моего освобожденія; а

я сей минуты стану ожидать со всевозможнымъ повиновенiемъ, налагаемымъ на меня великимъ нашимъ Пророкомъ.

Принцесса, сорвавъ немедленно тѣ три золотыя вишни, положила ихъ себѣ въ ротъ; по томъ, не теряя времени, взошла на лѣстницу, и превратясь паки въ орла, полетѣла въ свое жилище, куда прибыла по семидневномъ путешествiи. Тамъ, взошедъ въ свой кабинетъ, и принявъ на себя прежнiй свой человѣческiй образъ, вынула у себя изо рта золотыя вишни, и положа ихъ на столъ, перевернула листъ въ откровенной своей книгѣ, гдѣ увидѣла слѣдующiя слова: *Супругъ твой не прежде можетъ быть свободенъ, какъ чрезъ девять мѣсяцовъ, считая отъ сего дня; ты же пребудь все сiе время въ семъ замкѣ, гдѣ родишь сына, котораго назови Муйядомъ, и въ срочный день взойди съ нимъ на судно, и вели отвезти себя къ тому мѣсту, гдѣ лишилась ты Абдераима; тамъ Пророкъ внушитъ тебѣ средства къ избавленiю твоего супруга; но не позабудь взять съ собою золотыя вишни.*

Послѣдуя сему опредѣленiю, заперла Царатъ-Алъ-Рiяда принесенныя съ собою три золотыя вишни; послѣ чего пошла въ покой къ Султану, который, увидя Принцессу, пришелъ въ неописанную радость тѣмъ наипаче, что онъ въ горчайшей печали находился, думая, что она конечно повергласъ въ море. Она разсказала ему все съ нею приключившееся, и привела его своимъ повѣствованiемъ въ толь великое удивленiе,

ніе, что онъ съ трудомъ могъ ей въ томъ повѣрить. Онъ побѣжалъ въ покой къ Принцессѣ, но оба они не могли найти дверей въ ея кабинетъ; со всемъ тѣмъ положась на ея слова, спустя нѣсколько дней, съ нею разстался, и оставилъ ее въ томъ замкѣ, самъ же въ Каризмъ возвратился, опасаясь, чтобы Татары не учинили на его земли новое нападеніе.

И такъ Царатъ-Алъ-Ріяда осталась въ семъ замкѣ, упражняясь единственно въ размышленіяхъ о дражайшемъ своемъ Абдераимѣ, и чувствуя, что плодъ ея къ нему любви увеличивался отъ часу болѣе. Наконецъ уже ожидала разрѣшенія своего отъ бремени, какъ вдругъ двери въ чудесный ея кабинетъ отворились; она вошла въ оный съ чрезмѣрною радостію, и подбѣжавъ къ лежащей на столѣ книгѣ, увидѣла въ оной слѣдующія слова: *Ты заптра родишь сына; но знай, что жизнь его отъ тебя зависитъ; естьли хочешь имѣть его въ живыхъ, то должна отъ принадлежащаго тебѣ величества отказаться; такое есть судебъ опредѣленіе; онѣ разлучатъ тебя еще чрезъ нѣсколько лѣтъ съ твоимъ супругомъ на весьма пространное время.*

Не можно никоимъ образомъ представить себѣ того состоянія, въ которое приведена была Принцесса сими словами; она весь тотъ день и всю ночь въ горчайшей препроводила печали, и на другой день, разрѣшась мною отъ бремени, взяла меня къ себѣ на руки, и взирая на меня съ прискорбнымъ и жалостнымъ видомъ: дражайшій

шій Муйядъ! говорила она, я жертвую тебѣ безъ всякаго огорченія всѣми достоинствами, на которыя возведена моею породою; жизнь твоя дороже для меня всѣхъ суетныхъ титуловъ, коими я презираю; я оставляю ихъ для тебя безъ всякаго размышленія. Дай Боже! чтобы ты только былъ щастливъ, и чтобы Пророкъ воззрѣлъ на тебя милосердымъ окомъ.

И такъ симъ матери моей отрицаніемъ отъ принадлежащихъ ей достоинствъ остался я въ живыхъ; и какъ насталъ день срока, котораго она для освобожденія возлюбленнаго своего супруга съ неописанною нетерпѣливостію ожидала: то она, взявъ меня къ себѣ на руки, понесла меня съ собою на судно, причемъ не позабыла взять и золотыя вишни; послѣ чего повелѣла отвезти себя на то мѣсто, гдѣ Абдераимъ похищенъ былъ волшебницею.

ВЕЧЕРЪ LXXIII.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Чуть только прибыли мы къ назначенному мѣсту, какъ я началъ вдругъ сильно плакать. Мать моя, которая еще въ первый разъ услышала плачъ мой, удивилась тому чрезмѣрно; но удивленіе ея умножилось еще болѣе, когда ужасная волшебница, похитившая моего отца, высунула изъ воды голову. Для чего этотъ рабенокъ такъ плачетъ? проговорила она страшнымъ голосомъ. Онъ требуетъ отъ тебя, сказала

вала ей на то Принцесса, своего родителя. Изрядно, отвѣтствовала ей Шейтанъ-Кули, что ты мнѣ дашь, я покажу его тебѣ до самыхъ плечъ? Я подарю тебѣ сію золотую вишню, подхватила моя мать, показывая ей одну изъ трехъ золотыхъ вишенъ. И по томъ, положась на слова сей волшебницы, бросила ее къ ней, и отецъ мой показался изъ воды, какъ то она обѣщала. Мать моя почувствовала отъ того толь сильную радость, что предлагала сей злодѣйкѣ дать ей еще одну вишню, естьли она покажетъ ей Абдераима по колѣни. Я и того еще болѣе сдѣлаю, сказала она на то: я вынесу его всего поверьхъ воды, естьли ты дашь мнѣ и третью. Я клянусь тебѣ въ томъ, отвѣтствовала моя мать, престоломъ нашего Пророка. Тогда Шейтанъ-Кули подняла моего отца поверьхъ морскихъ волнъ, и онъ чуть только проговорилъ прежнія свои таинственныя слова, и пожелалъ превратиться въ муху, какъ вдругъ, скрывшись у насъ изъ глазъ, прилетѣлъ къ намъ въ судно, и прiявъ на себя прежнiй человѣческiй образъ, обнималъ мою родительницу съ горячностiю, и омылъ лице мое своими слезами.

Злая волшебница, думая, что срокъ дара превращенiя, даннаго моему родителю отъ Мергiанъ-Бану, прошелъ на канунѣ того дня, пришла въ крайнее изумленiе, когда, взявъ третью вишню, увидѣла, что Абдераимъ уже не въ ея власти находится. Сiе привело ее въ неописанную ярость, и она для отмщенiя сего надъ нами возбудила толь ужасную бурю, что наше

судно, поднимаясь ежеминутно до небесЪ, казалось низвергнуться вЪ бездну морскую.

ОтецЪ мой во все сіе время держалЪ дражайшую свою ЦаратЪ-АлЪ-Ріяду вЪ своихЪ объятіяхЪ; онЪ призывалЪ МергіанЪ-Бану на помощь; но годЪ защищенія ея протекЪ, и прозьбы его тщетны были. ТакимЪ образомЪ, будучи цѣлый день носимы волнами, прибило насЪ кЪ одному камню и судно наше остановилось. По щастію было сЪ нами нѣсколько разныхЪ сЪѣстныхЪ припасовЪ, вЪ которыхЪ родители мои великую имѣли нужду; я же во все продолженіе бури, не могши никоимЪ образомЪ сосать груди, находился вЪ великой слабости. На другой день показалась ясная погода, и АбдераимЪ разсудилЪ за благо продолжать путь нашЪ; и между тѣмЪ, какЪ матросы старались стащить судно сЪ камня, ЦаратЪ-АлЪ-Ріяда разсказывала своему супругу, какимЪ образомЪ спасла она мнѣ жизнь, и объявила ему о будущей ихЪ разлукѣ. Сіе повѣствованіе тронуло отца моего чрезмѣрно; не менѣе безпокоило его и то жалостное состояніе, вЪ которомЪ мы находились. Наконецъ, сберегая наши припасы сЪ особливою осторожностію, плыли мы по вѣтру цѣлые девять дней, по прошествіи которыхЪ поднялась такая сильная непогода, что мы совсѣмЪ лишились надежды свирѣпости волнЪ избѣгнуть. ВЪ семЪ состояніи пробыли мы цѣлые три дни, и имѣя вЪ пищѣ недостатокЪ, пришли всѣ вЪ великую слабость, такЪ что матросы принуждены были остановить правленіе судна, и впали всѣ вЪ нѣкоторый

который родъ сна, предвѣщающаго приближеніе смерти. Мы не знали, по какимъ морямъ носились; но, препроводя въ такомъ состояніи дней восемь, судно наше остановилось подлѣ одной гавани, которой жители, сжалясь надъ нами, приняли насъ съ особливымъ человѣколюбіемъ; они отнесли насъ въ разные домы, и къ возвращенію намъ прежнихъ силъ ничего не щадили.

Городъ, въ которомъ мы находились, лежалъ на одномъ небольшомъ острову Татарскаго моря вверьхъ отъ Аніанскаго королевства; и какъ оный былъ торговлею не весьма знатенъ, то туда почти ни одного корабля не приходило, и мы прожили въ семъ мѣстѣ около двухъ лѣтъ, не видавъ ни одного судна. Но по прошествіи сего времени прибылъ туда корабль, начальникъ котораго, продавъ привезенныя съ собою вещи, разполагался отъѣхать въ городъ Баргу, лежащій на Сѣверномъ Океанѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, Татарію проходящая, впадаетъ въ море. Какъ изъ сего города можно намъ было въ Каризмъ сухимъ путемъ поѣхать, то Абдераимъ пошелъ къ сему корабельному начальнику, и подаря ему одинъ драгоцѣнный брилiянтъ изъ взятыхъ съ собою моею родительницею при отъѣздѣ, склонилъ его взять насъ на свой корабль.

Онъ былъ собою лица прекраснаго, но страстямъ своимъ чрезмѣрно повиновался; во время нашего путешествія влюбился онъ въ мою мать и по примѣрному ея согласію съ Абдераимомъ заключалъ, что присутствіе его будетъ для него всегда непреодолимымъ препятствіемъ въ его желаніяхъ;

ланіяхЪ; вЪ разсужденіи чего вознамѣрился его удалить, и вЪ скоромЪ времени нашелЪ случай мерзостное свое предпріятіе исполнить. ВозЪимѣя недостатокЪ вЪ съѣстныхЪ припасахЪ, принуждены мы были пристать кЪ одному небольшому острову. ТамЪ нашелЪ онЪ другой корабль, выступающій уже совсѣмЪ вЪ море; онЪ свидѣлся сЪ начальникомЪ онаго, и предложа ему, не хочетЪ ли онЪ купить у него одного невольника и мальчика, продалЪ насЪ за сорокЪ золотыхЪ сЪ тѣмЪ, чтобы онЪ похитилЪ насЪ на канунѣ нашего отъѣзда. Сіе было исполнено вЪ ту самую минуту, когда отецЪ мой прогуливался со мною по берегу; и какЪ ботикЪ, вЪ который насЪ подхватя бросили, причалилЪ сЪ поспѣшностію кЪ выходящему изЪ гавани кораблю, то мы находились уже вЪ довольномЪ оттуда разстояніи, прежде нежели о отъѣздѣ нашемЪ узнали. АбдераимЪ изъявлялЪ свое удивленіе новому начальнику, но сей не хотѣлЪ ему на то ни слова отвѣтствовать; изЪ чего легко можно заключить, вЪ какое прискорбіе приведенЪ тѣмЪ былЪ мой родитель. Тогда почувствовалЪ онЪ все свое злополучіе; разлучась сЪ обожаемою имЪ Принцессою, и по справедливости подозрѣвая прежняго нашего корабленачальника вЪ измѣнѣ, предался онЪ жесточайшему отчаянію, и только единыя невинныя мои оказываемыя ему тогда ласки удержали его на жизнь свою покуситься, лишась дражайшаго своего предмета и своей вольности. И такЪ намѣрился сносить терпѣливо жестокость своего рока, и на другой день, увидѣвЪ корабленачальника: я вижу, сказалЪ онЪ ему,

ему, что я твой невольникЪ, и что злодѣй, отдавшій меня вЪ твои руки самою мерзостнѣйшею на свѣтѣ измѣною, думалЪ конечно, что ты мнѣ не возвратишь свободы; но я, почитая тебя чести исполненнымЪ человѣкомЪ, не могу себѣ того представить, чтобы ты былЪ участникомЪ вЪ мерзостныхЪ намѣреніяхЪ сего мучителя, который отдалЪ меня тебѣ только для того, чтобы похитить у меня мою возлюбленную супругу; но праведное небо накажетЪ конечно его злодѣйство; и я вЪ добродѣтели моей супруги столь много удостовѣренЪ, что она смерть предпочтетЪ малѣйшему дѣйствію, которымЪ непорочность ея оскорблена быть можетЪ.

ВЕЧЕРЪ LXXIV.

Продолженіе исторіи Абзераима, повѣствуемой Муйядомъ.

Слова моего родителя привели корабленачальника вЪ удивленіе. Правда, сказалЪ онЪ ему, что ты и сей мальчикЪ мои невольники; но я не зналЪ злосердыхЪ намѣреній лишившаго васЪ вольности; и чтобы тебѣ доказать то самымЪ дѣломЪ, то заплати мнѣ только мною ему данные за васЪ сорокЪ золотыхЪ, или дай клятву, что возвратишь мнѣ ихЪ вЪ какой нибудь гавани; я же объявляю тебѣ, что вы сЪ сей самой минуты свободны.

Сколь ни великую печаль чувствовалЪ мой родитель; однако толь великодушнымЪ поступкомЪ былЪ чрезмѣрно тронутЪ, и вынявЪ у себя изЪ кармана камень, стоющій болѣе ста

золотыхЪ, подалЪ оный корабленачальнику, и просилЪ его принять оный за возвращеніе имЪ нашей свободы; и онЪ, прельстясь щедростію моего родителя, объявилЪ при всѣхЪ находящихся на кораблѣ, что мы уже болѣе не вЪ неволѣ; и на другой день, приставЪ кЪ одной гавани, которой названіе я запамятовалЪ, высадилЪ насЪ на берегЪ по желанію Абдераима.

Имѣя весьма благопріятный вѣтрЪ, проплыли мы вЪ четыре дни конечно болѣе двухЪ сотЪ миль; и такЪ, находясь вЪ великомЪ отдаленіи отЪ того мѣста, гдѣ сЪ ЦаратЪ-АлЪ-Ріядою разстались, не можно намЪ было надѣяться застать ее вЪ ономЪ; вЪ разсужденіи чего родитель мой не нашелЪ лучшаго средства кЪ ея освобожденію, какЪ разъѣжжать по морю, и для того помощію своихЪ бриліянтовЪ купилЪ онЪ самый легкій корабль, и наилЪ кЪ управленію онымЪ весьма искуснаго и храбраго Капитана. Но мы, разъѣжжая по всѣмЪ гаванямЪ Сѣвернаго Океана, не могли ничего узнать подлиннаго.

НаконецЪ АбдераимЪ, лишась совсѣмЪ надежды найти свою супругу, и вспомня ея слова, что они на весьма долгое время разлучатся, вознамѣрился предаться вЪ томЪ вЪ волю небесЪ; и такЪ, не разсудя за благо вЪ КаризмЪ возвратиться, и предстать кЪ своему тестю безЪ Принцессы ЦаратЪ-АлЪ-Ріяды, опасаясь, чтобы онЪ всего сЪ нимЪ приключившагося не почелЪ баснею, положилЪ вЪ свое отечество возвратиться. ЧрезЪ заливЪ Аніанскій выѣхавЪ вЪ Восточный ОкеанЪ, проѣхавЪ Китайское и

Индѣй-

Индѣйское моря, такожъ и проливъ Зундъ и море Аравійское, прибыли мы чрезъ два года въ гавань Сорешскую, откуда сухимъ пушемъ въ Кандагаръ возвратились.

Абдераимъ, какъ-то разсказывалъ онъ мнѣ о томъ послѣ; ибо вы видите, что я въ то время былъ малолѣтенъ, и ничего не могъ примѣтить, а все сіе помню для того, что о томъ слыхалъ отъ него часто; Абдераимъ, говорю я, возвратясь въ Кандагаръ, купилъ себѣ небольшую деревеньку, и о воспитаніи моемъ всевозможное прилагалъ стараніе.

Какъ онъ, не взирая на свое состояніе, еще не всѣхъ надеждъ былъ лишеннымъ, то часто утѣшался напоминовеніемъ того благополучнаго времени, въ которое онъ толь лестнымъ щастіемъ наслаждался. Онъ имѣлъ изрядныхъ сосѣдей, и съ ними разговаривалъ не рѣдко о своихъ приключеніяхъ; и хотя разсказывалъ ихъ всегда одинакимъ образомъ безъ всякаго прибавленія; однако они, почитая ихъ невѣроятными, называли его въ шуткахъ, какъ то я уже вамъ объявилъ, Кедгабомъ, то есть обманщикомъ; и Абдераимъ за то ни мало не сердился, признаваясь самъ, что естьли бы кто другой ему то же разсказывалъ, то бы и онъ съ трудомъ повѣрилъ.

Въ Кандагарѣ прожилъ я, продолжалъ Муйядъ, до четырнатцати лѣтъ, и во все то время прилѣжалъ я къ предписаннымъ мнѣ должностямъ съ особливымъ раченіемъ; но двое изъ моихъ товарищей, за которыми также, какъ и

за мною, весьма строго смотрѣли, наскуча сею жизнію, предлагали мнѣ оставить домъ моего родителя, и ѣхать съ ними въ Персію. Мы всѣ трое учились музыкѣ; и положась на сіе ремесло, притомъ намѣрясь достать денегъ, сколько кому будетъ можно, не страшились мы быть когда нибудь въ бѣдности. И такъ мы отправились въ Испаганъ, и прибыли туда безъ всякаго препятствія. Тамъ веселились мы весьма много; и какъ въ семъ городѣ множество всякаго рода забавъ находится, то вскорѣ прожили мы привезенныя съ собою деньги; и тогда начали мы разсуждать о своемъ состояніи. Мы не знали, куда приклонить голову; но наконецъ намѣрились воспользоваться искусствомъ своимъ въ пѣніи, и пристали къ комедіянткамъ, коихъ прелести сдѣлались новымъ препятствіемъ нашего въ Кандагаръ возвращенія. И такъ я согласился на предложеніе моихъ товарищей, и приписываемыя намъ за искусство наше похвалы прельстили насъ столь много, что сіе наше состояніе начало намъ нравиться.

Со всемъ тѣмъ укорялъ я себя не рѣдко, что такимъ образомъ родителя моего оставилъ. Выключая размышленій моихъ о его прискорбіи, сожалѣлъ я иногда и о томъ состояніи, въ которомъ находился. Естьли то правда, говорилъ я самъ въ себѣ, что я внукъ Султана Каризмскаго, то не поносна ли для меня жизнь сія?

Въ то время прибыла въ Испаганъ другая банда комедіянокъ, которыя, препроводя тамъ нѣсколько времени, намѣрялись въ Моголистанъ

отправиться, и для того надлежало имъ ѣхать чрезъ Кандагаръ. Терзаясь безпрестанно совѣстію, что толь безразсуднымъ образомъ оставилъ Абдераима, разлучился я съ моими товарищами, кои слѣдовать со мною не хотѣли; и приставъ къ сей бандѣ, которая была гораздо славнѣе нашей, отправился въ путь къ сему городу, и проѣхалъ чрезъ всѣ находящіеся на дорогѣ, собравъ тамъ множество денегъ, прибыли мы наконецъ верстъ за пять отъ Кандагара, гдѣ отпросился я у нашей начальницы на самое короткое время, хотя и въ мысляхъ у меня не было опять къ нимъ возвратиться, И такъ по двухлѣтнемъ отсутствіи вступилъ я паки въ сей городъ, и нашелъ домъ Абдераимовъ; но сосѣди его, кои меня не признали, объявили мнѣ, что уже болѣе полутора года поѣхалъ онъ искать своего сына, которой у него пропалъ.

ВЕЧЕРЪ LXXV.

Продолженіе исторіи Абдераима, поступуемой Муйядомъ.

Увѣдавъ о отсутствіи моего родителя, пришелъ я въ жесточайшую печаль. Тогда разсуждалъ я съ великимъ прискорбіемъ, какіе труды и печали будетъ онъ въ пушешествіи своемъ чувствовать. Но не могши того отвратить, принужденъ былъ явиться опять у нашей начальницы, надѣясь встрѣтиться гдѣ нибудь съ Абдераимомъ. Однако прежде отшествія изъ Кандагара пошелъ я къ заднимъ воротамъ нашего дома, которыя только моимъ родителемъ

и

и мною могли отпираться, сдѣланы будучи весьма искуснымъ и тайнымъ образомъ. Я ихъ отперъ, и нашелъ въ сдѣланной въ нихъ комнатѣ всѣ наши уборы въ цѣлости, и на столикѣ свернутую бумажку, въ которой написано было: *Неблагодарный Муйядъ будетъ причиною моей смерти.* Я не могъ прочесть сихъ словъ, не проливъ горчайшихъ слезъ потоки, и оставя на семъ столикѣ письмо, въ которомъ разкаяніе являющими выраженіями просилъ Абдераима въ поступкѣ моемъ прощенія, объявлялъ ему, что необходимостію принужденъ странствовать по Татаріи, Туркестану и Индіи, вознося безпрестанно на небо усердныя молитвы, чтобы съ нимъ увидѣться паки. Послѣ сего заперъ я ворота, и пошелъ въ караванъ-сераль, гдѣ банда наша пристала. Я принятъ былъ съ великою радостію, и мы, собравъ въ семъ городѣ множество денегъ, отправились въ Камбай, куда нѣсколько тому времени прибыли; и надзиратель караванъ-сераля, принявъ насъ съ чрезвычайною ласкою, отвелъ намъ особливые покои; и какъ я отъ путешествія весьма усталъ, то, пришедъ въ назначенную мнѣ комнату, заснулъ скоро; но еще никогда не имѣлъ я толь тягостнаго сна. Всѣ приключенія моего родителя представлялись мнѣ весьма живо; самъ онъ показался мнѣ съ прекрасною женщиною. Я, проливая слезы, бросился къ его колѣнамъ; онъ меня поднялъ, облобызалъ, и представя меня той женщинѣ: Царатъ-Алъ Ріяда! сказалъ ей, проливая слезы: вотъ сынъ твой, котораго я тому уже шесть лѣтъ искалъ всюды. Я хотѣлъ броситься въ объятія

моей родительницы, но она меня отъ себя оттолкнула. Это не можетъ быть Муйядъ, сказала она ему; внукъ Каризмскаго Султана долженъ имѣть благороднѣйшія мысли, нежели сей юноша, который въ толь непристойномъ ремеслѣ упражняется; это не мой сынъ. Сколь много тронутъ я былъ симъ выговоромъ, заслуженнымъ мною по самой справедливости! Ахъ, милостивая государыня! вскричалъ я: хотя и недостоинъ я сыномъ твоимъ нарицаться; однако я тотъ самый Муйядъ, который тебѣ сперва былъ столь милъ; и когда Абдераимъ меня увѣряетъ, что я тебѣ жизнію долженъ, то дозволь, чтобы симъ лобызаніемъ изъявилъ тебѣ ту радость, которую въ сердцѣ своемъ ощущаю, нашедъ тебя паки по толь долговременной разлукѣ.

Я подошелъ къ Принцессѣ, и хотѣлъ было ее обнять; но она дала мнѣ толь сильную пощочину, что я упалъ навзничь. Я закричалъ такъ громко, что Массудъ, находящійся въ моей комнатѣ, проснулся; подбѣжалъ ко мнѣ къ постелѣ, и спрашивалъ у меня, что мнѣ сдѣлалось. Я былъ въ такомъ смятеніи, что не могъ ни одного промолвить слова. Онъ подумалъ, что я занемогъ, въ разсужденіи чего засвѣтилъ тотчасъ свѣчу. Я разсказывалъ ему мой сонъ, и онъ началъ тому смѣяться; но видя, что щека у меня весьма покраснѣла и разпухла, не мало удивился. По томъ, подумавъ о семъ произшествіи, конечно во снѣ ударился ты щекою о стѣну, сказалъ онъ, и это-то показалось тебѣ пощочиною.

Я

Я не зналъ, что мнѣ изъ того заключить; а между тѣмъ, какъ мы съ Массудомъ о семъ толь странномъ приключеніи разсуждали, показался день; я всталъ, мы всѣ пошли по городу Камбаю; и хотя и велѣли о себѣ объявить, однако насъ никто не позвалъ, чему можетъ быть было причиною то, что и нашу банду толь же дурною почитали, каковая пріѣжжала въ сей городъ за нѣсколько мѣсяцовъ предъ нами. Мы изъявляли наше неудовольствіе надзирателю. Пожалуйте не безпокойтесь, сказалъ онъ намъ, ваше достоинство не всѣмъ еще въ Камбаѣ извѣстно; вы можете въ семъ мѣстѣ жить сколько вамъ угодно, и содержаніе в ше не будетъ вамъ ничего стоить; а чтобы васъ развеселить, то я сдѣлаю для васъ сего вечера пиръ. И въ самомъ дѣлѣ мы у него ужинали, и онъ угостилъ насъ чрезвычайно хорошо; но съ тѣхъ поръ не слыхали мы про него ни слова, и по видимому въ ту же самую ночь пренесены мы въ сіи прелестныя мѣста.

Приключенія твоего отца весьма странны, сказалъ Кофробъ сему юношѣ; время покажетъ тебѣ вскорѣ, правду ли говорилъ Абдераимъ, повѣствуя оныя, и настоящая ли та пощочина, которую ты получилъ въ караванъ-сералѣ, или единое дѣйствіе сновидѣнія. Мы всѣ удостовѣрены, подхватили Султанши, что Муйядъ человѣкъ правдивый; но можетъ быть Абдераимъ, желая привесть себя у сосѣдей Кандагарскихъ въ почтеніе, всю сію исторію выдумалъ. . . . Вы можете ошибиться, прервалъ ихъ рѣчь

Иманъ;

Иманъ; а я напротивъ того думаю, что все повѣствованіе Муйядово содержитъ въ себѣ настоящую истинну. Впрочемъ нетрудно и васъ въ томъ удостовѣрить; повелите только духамъ, вамъ повинующимся, чтобы они Абдераима и Принцессу Каризмскую въ сіи мѣста перенесли; и я васъ обнадеживаю, что повелѣніе ваше въ одну минуту исполнится. Ахъ, государь! сказалъ тогда Муйядъ, бросясь къ ногамъ Кофробовымъ: уговори сихъ преславныхъ Перицъ, чтобы онѣ показали мнѣ сію милость, сколь я поступками моими ни недостоинъ оной. Признавать свои погрѣшности и въ нихъ раскаяваться, значитъ чести исполненнаго человѣка, сказалъ Иманъ; и нашъ Пророкъ, проницая во глубину твоего сердца, даруетъ тебѣ сію милость какъ для твоего удовольствія, такъ и для собственной своей славы. Тогда по данному имъ знаку подняли завѣсу, и Абдераимъ съ Царатъ-Алъ-Ріядою вступили въ залъ. Не можно изобразить удивленія всѣхъ зрителей и чрезмѣрной радости, чувствуемой Муйядомъ, увидя своего родителя: милостивый государь! сказалъ онъ ему, бросившись къ его ногамъ: ты видишь предъ собою такого сына, который на тебя, ни на Принцессу Каризмскую взглянуть не смѣетъ; поступокъ его дѣлаетъ его милостей вашихъ недостойнымъ; но естьли чистосердечное раскаяніе, что васъ толь чувствительно озлобилъ, можетъ поколебать васъ къ сожалѣнію надъ нимъ, то онъ требуетъ отъ васъ возвращенія вашей родительской горячности съ преданностію такого сына, который на семъ же мѣстѣ прекратитъ

жизнь свою, естьли последуете движеніямъ справедливаго на него вашего гнѣва.

Абдераимъ и Царатъ-Алъ-Ріяда, видя себя въ безъизвѣстномъ мѣстѣ, и нашедъ тамъ своего сына, приведены были въ такое удивленіе, что нѣсколько времени не могли ни слова промолвить. Какою сверьхъестественною властію, говорили они ему, находимся мы въ сихъ прелестныхъ мѣстахъ? какимъ образомъ занесены мы въ оныя? кому обязаны мы тѣмъ? Пророку Магомету обязаны вы за то благодарностію, сказалъ тогда Кофробъ; и Абдераимъ, учинившій толико путешествій въ гораздо меньшее время, не долженъ дивиться, что изъ каравантъсерая Султана Тангутскаго пренесенъ въ нѣсколько минутъ въ сей дворецъ. Правда, государь! сказалъ на то Абдераимъ, имѣя съ собою толико чудесныхъ и утѣшительныхъ приключеній, не долженъ я ничему дивиться; но признаюсь, что не могу симъ произшествіемъ не тронуться, понеже оное возвращаетъ мнѣ сына, котораго съ Принцессою оплакивалъ въ ту самую минуту, въ которую его обрѣтаю.

Государь! промолвила Гегернаца, сей дражайшій сынъ твой разсказалъ намъ только лишь теперь всю твою исторію до самыхъ тѣхъ поръ, какъ прельстясь обманчивыми представленіями трехъ своихъ товарищей, тебя оставилъ. Сіе повѣствованіе причинило всѣмъ намъ великое удовольствіе, и я увѣрена, что приключившееся съ тобою послѣ твоей съ нимъ разлуки достойно также нашего любопытства; но я не смѣю

просить

просить тебя разсказать намъ теперь оное; мы не хотимъ лишить тебя и Принцессу удовольствія, чувствуемаго вами отъ свиданія вашего съ Муйядомъ; вы можете наслаждаться онымъ свободно; васъ отведутъ въ особливый покой, гдѣ найдете все нужное; а завтра о эту же пору, льстимся, не откажете намъ въ повѣствованіи безъизвѣстныхъ намъ твоихъ приключеній.

Абдераимъ, изъяснивъ Султаншамъ, что онъ всегда готовъ показать знаки своего къ нимъ почитанія и послушанія, увѣрялъ ихъ, что онъ завтра не преминетъ разсказать имъ свою исторію. Послѣ чего пошелъ съ своею супругою и съ своимъ сыномъ въ назначенныя для нихъ комнаты, гдѣ Муйядъ, изпросивъ у родителей своихъ прощеніе, получилъ отъ нихъ нѣжнѣйшія ласки, и объявилъ имъ, что они въ Гиннистанѣ находятся; и въ семъ мнѣніи подтверждало ихъ тѣмъ болѣе какъ чудесное ихъ въ сей дворецъ перенесеніе, такъ и собственныя ихъ приключенія. И такъ будучи увѣрены, что они въ чертогахъ Перицъ находятся, и что произшедшему тамъ съ ними онѣ причиною, чуть только на другой день предъ нихъ предстали, то, павъ къ ногамъ ихъ, изъявляли имъ, сколь великою благодарностію они имъ обязаны; и Абдераимъ, примѣтивъ, что онѣ съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидаютъ его повѣствованія, началъ оное такъ:

ВЕЧЕРЪ LXXVI.

Продолженіе исторіи Авдераима, повѣствуемой имъ самимъ.

Отсутствіе Муйяда причинило мнѣ толь чувствительное неудовольствіе, что съ печали чуть было не лишился жизни. Цѣлыя двѣ недѣли ожидалъ я его возвращенія; но по прошествіи сего времени, не имѣя о немъ никакого извѣстія, вознамѣрился его искать самъ. Я заперъ свой домъ, оставилъ на столикѣ въ сдѣланной въ заднихъ воротахъ тайной комнатѣ письмецо, въ короткихъ словахъ изобразилъ ему плачевное состояніе съ тѣмъ, чтобы онъ, возвратясь безъ меня, могъ узнать объ ономъ. Я не догадался ѣхать сперва въ Туркестанъ, а оттуда въ Моголистанъ и въ Индію, гдѣ онъ, какъ вчера мнѣ сказывалъ, ѣздилъ. По прошествіи года въ одинъ день весьма поздно прибылъ я въ одно не подалеку отъ Агры лежащее мѣстечко, и ночь застигла меня подлѣ прекрасно выстроенной мечети. Не зная ни мало, что со мною послѣдуетъ, намѣрился я лечь на паперти сего храма, и располагаясь то исполнить, удивился чрезмѣрно, увидя, что оный былъ не запертъ. Я взошелъ въ него, и осматривая его посредствомъ свѣта, произходящаго отъ трехъ лампадъ, стоящихъ предъ истуканомъ Рама, къ которому сіи идолопоклонники величайшее почтеніе имѣютъ, и будучи отъ путешествія крайнѣ утружденъ, думалъ, что въ семъ мѣстѣ могу покоемъ насладиться. И такъ, положивъ препроводить тамъ ночь, заперъ двери, и лучшее для сна мѣсто по-

показалось мнѣ за симъ истуканомъ ложнаго бога Я уже начиналъ засыпать, какъ вдругъ услышалъ подлѣ меня стукъ, который привлекъ мое вниманіе. Я увидѣлъ, что приступъ, находящійся подлѣ сего истукана, и ведущій въ нѣкоторый родъ алтаря, поднялся, и два Брамина показались. Братъ! сказалъ изъ нихъ одинъ другому, я ожидаю въ сію ночь сладинькой кусочикъ, а именно, дѣвочку лѣтъ въ четырнатцать и собою весьма прекрасную; она называется Асферою, дочь одного здѣшняго богатаго купца. Я въ нее такъ влюбился, что для удовлетворенія моей страсти не нашелъ надежнѣйшаго средства, какъ объявить ея отцу, что она имѣла щастіе понравиться нашему богу Раму, что онъ желаетъ видѣть ее сей ночи въ семъ храмѣ для раздѣленія съ нею ложа, и что естьли онъ будетъ ею доволенъ, то хочетъ видѣть ее у себя цѣлую недѣлю сряду. Отецъ ея, будучи не дальнаго ума, но чрезмѣрно суевѣренъ, обрадовался сему избранію; и я думаю, что чрезъ полчаса приведетъ онъ сюда самъ прелестную Асферу; для того хочу облечься въ пристойную намъ въ таковыхъ случаяхъ одежду.

О! и я тоже скажу, отвѣтствовалъ другой Браминъ, что Асфера совершенная красавица; тому уже нѣсколько времени, что и я въ нее влюбленъ, и конечно бы тебя предупредилъ, естьли бы не почиталъ ее весьма молодою; но по крайней мѣрѣ пожалуй уступи ее мнѣ, когда не будешь находить въ ней болѣе пріятностей.

съ великою охотою, отвѣтствовалъ первый Брамин; по прошествіи недѣльнаго срока потребую я ее еще на недѣлю, и отдамъ тебѣ въ руки; теперь же помоги мнѣ одѣться богомъ Рамомъ, и будь увѣренъ, что я должность свою весьма исправно исполню.

Сей нечестивецъ, нарядясь въ такое же одѣяніе, въ какомъ былъ истуканъ лжебога Рама, пошелъ потихоньку къ дверямъ, и растворилъ ихъ настишь; послѣ чего съ товарищемъ своимъ взошелъ въ трапезу, и ожидалъ по видимому съ нетерпѣливостію пришествія сей нещастной жертвы слѣпаго суевѣрія язычниковъ.

Наконецъ Асфера пришла въ провожаніи своего отца, и взошедъ въ мечеть: дражайшая дочь! сказалъ онъ ей, возхвали нашего бога Рама, что онъ возхотѣлъ съ тобою соединиться; честь сія простирается на всю мою семью, которая усугубитъ свое къ нему почитаніе, и чрезъ то еще въ большее придетъ во всемъ семъ мѣстѣ почтеніе. Послѣ сего краткаго увѣщанія вышелъ онъ изъ храма, и притворивъ двери, которыя тотчасъ заперлись, оставилъ дочь свою на удовлетвореніе желаній достойнаго таковаго бога жертвоприносителя.

Тогда Асфера, чувствуя въ себѣ ревнованіе къ своему закону, пала по наставленію своего родителя ницъ; и между тѣмъ, какъ сія невинная жертва возсылала къ лжебогу Раму теплыя молитвы: о небо! говорилъ я самъ въ себѣ, для чего терпишь ты, чтобы злодѣи обманывали толь мерзостно народъ суевѣрный, и безчестили

чествили ихЪ женЪ и дочерей? Великій Магометъ! для чего не пускаешь ты на сихЪ хищниковЪ праведнаго твоего грома? О! естьли бы, жертвуя собственною моею жизнію, могЪ я толь мерзостную разрушить секту!

ВЕЧЕРЪ LXXVII.

Продолженіе исторіи Авдеранма, повѣствуемой имъ самимъ.

Чуть только скончалЪ я сей родЪ молитвы, какЪ вдругЪ почувствовалЪ себя вЪ священномЪ восхищеніи, и казалось, будто внушаемЪ былЪ великимЪ нашимЪ ПророкомЪ. Я ожидалЪ, чтобы безбожный БраминЪ вышелЪ изЪ потаенной своей комнаты, поднялЪ невинную Асферу, и изЪяснилЪ ей страсть свою; и какЪ сія дѣвица, помрачась блескомЪ сего обманщика, уже намѣрялась сЪ почтеніемЪ пріять его мерзостныя ласканія: то я, выступивЪ изЪ своего мѣста, и обнажа саблю, повергЪ Брамина кЪ ногамЪ моимЪ мертва.

Асфера приведена была симЪ случаемЪ вЪ толь великое удивленіе, что почти безЪ памяти пала на стоящую подлѣ кровать, на которой было надлежало ей сЪ тѣмЪ обманщикомЪ препроводить ночь; но я, взявЪ ее за руку, прекрасная Асфера! сказалЪ ей, не страшись ничего, ты обрѣтаешь во мнѣ защитника невинности; я МагометЪ, который, раздражась мерзостями сихЪ хищниковЪ, намѣрился храмЪ, идола и вѣру ихЪ разрушить. Тогда показалЪ я ей ходЪ вЪ подземельныя комнаты, и изЪяснилЪ обманЪ

тѣхъ злодѣевъ; растолковалъ при томъ, что Рамъ, котораго у нихъ богомъ почитали, не что иное, какъ кумиръ, сдѣланный человѣческими руками. Я спасъ твою честь, сказалъ я ей; я отведу тебя къ твоему родителю; скажи ему отъ меня, чтобы онъ прежде еще возхожденія солнца собралъ всѣхъ своихъ единовѣрцовъ, пошелъ съ ними во храмъ, и посмотрѣлъ, какому богу приносилъ онъ тебя на жертву; повели ему моимъ именемъ порубить всѣхъ сихъ мерзскихъ священниковъ вашего Рама, и увѣрь его, что естьли всѣ язычники сего мѣста не признаютъ въ сей же день единаго Бога, то съ небесъ посланъ будетъ на нихъ огнь, который обратитъ всѣхъ ихъ въ прахъ.

Въ сіе время восхищенъ я былъ толь священною ревностію, продолжалъ Абдераимъ, что конечно показался Асферѣ какимъ нибудь существомъ, превосходящимъ человѣчество. Удостовѣрясь въ словахъ моихъ, отреклась она при мнѣ въ ту же минуту отъ идолопоклонства; и я, вышедъ съ нею изъ храма, не заперши притомъ дверей онаго, проводилъ ее до ея двора, который на самомъ углу не подалеку лежащей улицы находился. Пришедъ къ оному, стучалъ изо всей силы, и примѣтя, что отпирать выходятъ, возпользовался ночною темнотою, и ушелъ въ другую улицу, такъ что сія дѣвица, не нашедъ меня подлѣ себя, когда отперли ей ворота, не сомнѣвалась болѣе, чтобы я не скрылся отъ нее въ ту минуту, когда помощь моя ей ни мало не была нужна.

Асфера исполнила, кажется, съ точностію данныя мною ей повелѣнія, и весьма легко могла отца своего увѣрить въ обманѣ Браминовомъ; ибо, собравъ въ тотъ же часъ всѣхъ язычниковъ, жившихъ въ томъ мѣстѣ, пришедъ во храмъ, чуть только смертію ложнаго бога, котораго они узнали, удостовѣрились въ неистовствѣ своихъ жрецовъ, и въ злоупотребленіи сихъ злодѣевъ смѣшною ихъ вѣрою, отрекшись единогласно отъ оной, послали за Агрскимъ Кадіемъ, велѣли объявить ему произшедшее съ Асферою, и просили его къ нимъ пріѣхать не замедля и осмотрѣть во храмѣ. Все сіе исполнено было съ такою скоростію и тайностію, что прочіе Брамины находились еще въ глубокомъ снѣ, какъ Кади, взошедъ съ своими приставами въ ихъ обитель чрезъ подземные ходы, взялъ ихъ подъ караулъ. Ихъ отвели въ Агру окованныхъ, и они на другой день въ пыткѣ признались въ своемъ обманѣ и неистовствѣ, за что на площади сожжены были; храмъ и обитель ихъ до подошвы разорены, кумиръ ихъ изрубленъ; а язычники того мѣста и жители Агрскіе приняли всѣ Магометанской законъ, и тотъ день почитаемъ былъ у нихъ славнѣйшимъ и самымъ достопамятнымъ.

Что до меня касается, то я ни мало не показывалъ, что въ семъ приключеніи имѣлъ участіе; но доволенъ будучи употребленною мною хитростію къ разпространенію закона нашего Пророка, похвалялъ себя внутренно, и послѣ того въ третій день пребыванія моего въ Агрѣ показался мнѣ во снѣ Магометъ. Абдераимъ!

сказалъ онъ мнѣ, я тобою совершенно доволенъ, ты намѣренія мои исполнилъ въ самой точности; храмъ язычниковъ ихъ уничтоженъ, а возстановленъ мой, и все сіе произведено въ толь краткое время и твоимъ посредствомъ. Я хочу наградить тебя за толь великое дѣло; но какъ не могу противиться написанному на *Гемаль Кетабѣ*, то есть на *Дскѣ Свѣта*, и ты еще долго не можешь соединиться съ твоею супругою и съ твоимъ сыномъ: то въ сіе время потщусь подавать тебѣ въ скукѣ твоей всякое утѣшеніе; для сего самъ провожу тебя въ прохладное мѣсто, гдѣ нѣкоимъ неисповѣдимымъ для тебя образомъ увидишь ты увеселенія, пріуготовляемыя истиннымъ Музульманамъ.

ВЕЧЕРЪ LXXVIII.

Продолженіе исторіи Абдераима, повѣствуемой имъ самимъ.

Тогда Пророкъ, взявъ меня за хохолъ, который мы всѣ носимъ, и менѣе мгновенія ока принесъ меня къ одному огромному зданію, сдѣланному изъ самаго чистаго жемчуга, и въ которое врата были изумрудныя, а замокъ изъ самаго лучшаго золота; при чемъ оное было столь высоко, что естьли бы, какъ-то увѣрялъ меня Магометъ, всѣ люди собрались поверьхъ онаго, то бы они въ очахъ нашихъ показались самыми маленькими птичками, сидящими на высокомъ древѣ. Принеся туда, поставилъ меня на землю, и повелѣлъ мнѣ проговорить сіи

таинственныя слова: *Бисмилла Ирраграмъ Ирагимъ.*

Чуть только произнесъ я оныя, продолжалъ Абдераимъ, какъ врата вдругъ сами отворились; я взошелъ подъ навѣсъ, котораго красота и блескъ, отъ драгоцѣнныхъ камней происходящій, помрачили взоръ мой столь сильно, что я нѣсколько времени стоялъ неподвижимъ и въ непонятномъ мнѣ изумленіи.

Собравшись паки съ чувствами, не увидѣлъ уже болѣе Пророка; но подлѣ меня стоялъ нѣкій священный духъ, который говорилъ мнѣ такъ: о блаженный человѣкъ! понеже ты другъ Пророка Магомета, то я имѣю повелѣніе показать тебѣ всѣ рѣдкости сего мѣста; взгляни подъ сей великолѣпный навѣсъ, тамъ находятся четыре рѣки, изъ которыхъ въ одной течетъ самая чистая вода, въ другой млеко, въ третьей вино, а въ четвертой медъ. Знай, что произнесшій отъ искренняго сердца тѣ священныя слова, которыя отверзли тебѣ врата въ сіе прохладное мѣсто, испіетъ отъ пріятнаго и сладкаго напитка сихъ четырехъ рѣкъ, отъ чего явятся надъ нимъ толь чрезвычайныя чудеса, что оныя не исповѣдующему законъ Магометовъ покажутся невѣроятными; но тебѣ, яко споспѣшествователю обращенія въ оной язычниковъ, выведенныхъ тобою изъ пагубнаго для нихъ заблужденія, покажу часть чудесъ сихъ. Ступай въ сей прохладный садъ, разсмотри сіе великое древо, которое называется *Туба*; корень онаго изъ жемчуга, вѣтви изъ

изу-

изумрудовъ, а листья изъ самаго тонкаго шелку; оно имѣетъ до семидесяти тысячь вѣтвей, изъ коихъ каждая досязаетъ до свода, на которомъ находится престолъ исповѣдуемаго нами великаго Бога, такъ что нѣтъ ни одного въ Раю мѣста, которому бы не сообщало оно своей тѣни, и всѣ тамошніе обитатели могутъ срывать съ онаго разные плоды по своему вкусу, и сколько кому похочется.

Видишь ли ты, продолжалъ духъ, то другое древо, у котораго на концѣ вѣтвей виситъ безчисленное множество изтканныхъ изъ злата камзоловъ, а поверьхъ онаго крылатые кони въ золотыхъ сѣдлахъ, украшенныхъ жемчугомъ и рубинами. Оные кони употребляются большими и малыми нашими Пророками и всѣми угодниками, когда они ѣздятъ въ Рай для насыщенія себя зрѣніемъ неописанныхъ богатствъ онаго. А какъ ты исполнилъ съ точностію самыя важнѣйшія повелѣнія Магометовы, продолжалъ духъ, и язычниковъ привелъ въ его вѣру, то тебѣ позволяется сѣсть на одного изъ сихъ коней. Тогда два крылатые коня, отвязавшись отъ древа, къ намъ прилетѣли; мы на нихъ сѣли, и все сіе священное мѣсто проѣхали съ непонятною уму человѣческому скоростію, притомъ и всѣ представляющіеся намъ предметы можно было размотрѣть подробно.

Никоимъ образомъ не возможно, преславныя Перицы! продолжалъ Абдераимъ, разсказать вамъ обстоятельно о всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ мною въ семъ священномъ жилищѣ; но

всего

всего болѣе прельстила меня одна изъ тамошнихъ прекрасныхъ чернобровыхъ дѣвъ, которая вышла изъ своего жилища, когда мы мимо онаго проѣжжали. Надъ глазами держала она руки, дабы отъ чрезмѣрнаго свѣта прикрыться, и насъ разсмотрѣть.

Чуть только увидѣла она меня съ моимъ провожатымъ, какъ вдругъ подняла превеликой хохотъ, и растворивъ свои уста, произшелъ отъ прекрасныхъ ея зубовъ толикой блескъ, что по всему Раю удивительный свѣтъ разпространился. Духъ, удивленный взоромъ сей красоты, сіяющей таковымъ блескомъ, потупилъ глаза для оказанія ей тѣмъ болѣе почтенія; но она говорила ему: *хранитель тайности великаго Пророка! воззри на меня.* Духъ ей повиновался, возвелъ на нее свои очи, и отвѣтствовалъ такъ: *я изъ числа тѣхъ, которые безпрестанно славятъ имя своего Создателя. Я тебя довольно знаю*, сказала сія дѣва; *но ты не можешь догадаться, кто я такая.* Духъ показалъ ей своимъ молчаніемъ, что ему существо ея безъизвѣстно: *Я*, продолжала она, *одна изъ числа прекрасныхъ дѣвъ, созданныхъ для удовольствія желаній тѣхъ щастливыхъ людей, которые пожелаютъ обитать со мною въ семъ священномъ мѣстѣ.*

ВЕЧЕРЪ LXXIX.

Продолженіе исторіи Авдеранма, повѣствуемой имъ самимъ.

Духъ, мой провожатый, показалъ мнѣ источникъ двухъ чистительныхъ водометовъ,

погаѳ

погашающихъ ревнивость, зависть, вѣроломства и другіе сему подобные пороки, коимъ люди подвержены бываютъ. Изъ сихъ водометовъ долженъ пить всякой праведный прежде своего въ Рай вступленія. Онъ проводилъ меня къ пруду нашего Пророка, въ которомъ всякой правовѣрный потрузиться и главу себѣ омыть долженъ, и изъ коего по томъ выходитъ онъ съ лицемъ гораздо свѣтлѣйшимъ и прекраснѣйшимъ луны, когда она въ четырнатцатый день является. По семъ разсматривалъ съ особливымъ вниманіемъ семь стѣнъ, окружающія сіе толь священное мѣсто, изъ коихъ каждая толь великій блескъ отъ себя производитъ, что оный болѣе нежели на пятидневное путешествіе простирается.

Проѣжжая такимъ образомъ чрезъ толико прекрасныхъ мѣстъ съ непостижимою скоростію, примѣчалъ я часто вокругъ себя благополучныхъ обитателей сего священнаго жилища; они казались мнѣ веселыми, молодыми; глаза у нихъ сіяли подобно звѣздамъ; усы имѣли они самаго прекраснаго зеленаго цвѣта для отличенія ихъ отъ женскаго пола; вкушали они самыя пріятнѣйшія ѣства, не чрезъ огнь приуготовляемыя; всего же болѣе удивляло меня, что по насыщеніи ихъ показывались на воздухѣ птицы, изъ коихъ многія, летая надъ главами сихъ избранниковъ, говорили имъ: я *такая птица, которой кости подобны верблюжьимъ, которая пила чистую воду изъ источниковъ Салсевильскаго и Кіафурскаго, и которая по*

томъ

томъ насыщалась благовонными травами, по Раю растущими. Блаженные чуть только пожелаютъ вкусить отъ птицъ сихъ, какъ онѣ падали къ нимъ на столъ совсѣмъ изжарены и пріуготовлены по вкусу каждаго; а потомъ нѣкоимъ величайшимъ чудомъ воскресали онѣ вдругъ, и оттуда обратно улетали.

Духъ, примѣтя мое удивленіе: не дивись, сказалъ мнѣ, тобою видѣнному; сіи птицы, которыхъ мясо, сколько ни ѣшь, никогда не умаляется, суть истинное подобіе Алкорана, коимъ всякой можетъ пользоваться, чтеніе котораго никогда никому не наскучитъ, и сила коего ничѣмъ не уменьшится. Тогда прилетя къ тому же зданію, отъ котораго началось наше путешествіе, сошли мы съ лошадей, кои на прежнія свои мѣста возвратились. Духъ отъ меня сокрылся, я увидѣлъ паки Пророка, простерся къ ногамъ его для возблагодаренія ему за ту милость, которую онъ не многимъ смертнымъ являетъ. Я отнесу тебя обратно на землю, сказалъ онъ мнѣ, тамъ найдешь одного изъ моихъ любимцевъ, который подастъ тебѣ всевозможное вспомоществованіе. Но скажи мнѣ, сколько ты, думаешь, пробылъ въ семъ прохладномъ мѣстѣ? О великій Пророкъ! отвѣтствовалъ я, врядъ проводилъ ли я тамъ болѣе семи минутъ? Ты пробылъ тамъ болѣе семи лѣтъ, сказалъ онъ мнѣ; вотъ какъ протекаютъ часы въ вѣчномъ жилищѣ тѣхъ, которые повелѣніямъ моимъ повинуются.

Объ

Объяви моимъ правовѣрнымъ о семъ толь чудесномъ произшествіи. Нещастливъ, неимущій вѣры рѣчамъ твоимъ. Тогда, взявъ меня паки за хохолъ, отнесъ на папертъ одной мечети, гдѣ и оставилъ меня спящаго. Все мною вами разсказанное почелъ бы я конечно сномъ, естьли бы вспомня, что я легъ спать въ караванъ-сералѣ въ Агрѣ, не увидѣлъ себя на паперти мечети города Тангута, и что тому уже прошло семь лѣтъ, какъ я въ Агрѣ находился.

Первое мое стараніе было взойти въ мечеть для приношенія тамъ благодаренія нашему Пророку за оказанныя мнѣ имъ милости; и по выслушаніи въ оной молитвы, получивъ отъ Имана позволеніе говорить народу, началъ я ему разсказывать о путешествіи моемъ въ Рай съ такимъ краснорѣчіемъ, которое конечно внушалъ въ меня самъ Пророкъ. Хотя объявлялъ я имъ о дѣлахъ весьма мало вѣроятныхъ; однако никто не казался мнѣ въ томъ противорѣчить; но напротивъ того всѣ слушатели взирали на меня съ особливымъ почтеніемъ, и Султанъ Тангутскій, узнавъ о моемъ народу повѣствованіи, прислалъ къ Иману, который взялъ меня къ себѣ въ домъ, просить меня къ себѣ во дворецъ.

У воротъ Имановыхъ увидѣлъ я великолѣпно убранную лошадь; я на нее сѣлъ, и четверо Имановъ, въ числѣ коихъ и хозяинъ мой находился, ѣхали со мною по городу въ провожаніи всего народа, усыпающаго меня благословеніями. Прибывъ во дворецъ, приняли меня знатнѣйшіе

нѣйшіе придворные съ великимъ почтеніемъ; и какъ я, пришедъ къ Султану, хотѣлъ было пасть предъ нимъ на колѣни, то онъ далъ мнѣ знать, что съ неописанною нетерпѣливостію желаетъ знать мою исторію. Я удовольствовалъ его немедленно, и разпространяясь весьма много о оказанныхъ надо мною нашимъ Пророкомъ великихъ чудесахъ, тронулъ его сею повѣстію столь много, что онъ проливъ слезы: о божественный человѣкъ! другъ нашего Пророка! сказалъ мнѣ, сколь благополученъ ты, видя въ жизни своей толь удивительныя чудеса! Сколь ни невѣроятными оныя быть кажутся, однако я точно удостовѣренъ, что оныя истинны. Я прошу тебя о наставленіи одной изъ моихъ Султаншъ, которая недовольно кажется увѣренною въ истиннѣ нашего закона: я безъ всякой боязни хочу ее представить взорамъ такого смертнаго, который несравненныя красоты Гурій видѣлъ.

О милостивый государь! сказалъ я ему, сіе зрѣніе, хотя и не удобно ни къ какому изъясненію, не истребило изъ мыслей моихъ Принцессы Каризмской; и чѣмъ ближе приходитъ та минута, въ которую я долженъ съ нею соединиться, тѣмъ болѣе умножается нетерпѣливость моя увидѣться съ обожаемою мною супругою. Сіе тѣмъ болѣе заставляетъ меня показать тебѣ Салтаншу, сказалъ онъ мнѣ; потому что ты, имѣя сердце наполненное толь сильною страстію, не можешь прельститься никакою красотою; но я тебя увѣряю, что она подобна тѣмъ прекраснымъ чернобровымъ дѣвамъ, которыхъ ты ви-

дѣлѣ во время твоего чудеснаго путешествія. Изрядно же, государь! сказалъ я на то, когда ты того желаешь, то пойду къ сей Султаншѣ; но клянусь тебѣ бѣлымъ камнемъ, принесеннымъ Адамомъ изъ Раю, и доставшимся по наслѣдству Ибраиму, Измаилу и его потомкамъ, что красота ея, сколь бы ни была велика, не въ состояніи уменьшить сильной моей любви къ Царашъ-Алъ-Ріядѣ. Что до меня касается, сказалъ тогда Султанъ, я къ Абдераиму толь великое почтеніе имѣю, что сколь ни много обожаю сію Султаншу, однако клянусь моею главою, что уступаю ему ее съ великою охотою, естьли прельстится онъ ея красотою.

По сихъ словахъ Султанъ, взявъ меня за руку, повелъ во внутренніе свои покои. Мы взошли въ великолѣпной залъ, гдѣ первый предметъ, представившійся нашему взору, была Принцесса Каризмская, съ которою я толь долгое время находился въ разлученіи. Сей случай тронулъ меня столь чрезмѣрно, а особливо когда представлялъ себѣ, что сія Принцесса супругою Султана, что пронзенъ будучи жесточайшею печалію, палъ я безчувственъ на близь стоящую софу.

ВЕЧЕРЪ LXXX.

Конецъ исторіи Авдераима, повѣствуемой имъ самимъ.

Я болѣе получаса не могъ собраться съ силами; и тогда увидѣлъ себя въ объятіяхъ Царашъ-Алъ-Ріяды. Султанъ Тангутскій, видя, въ

въ какомъ состояніи я находился, и представляя себѣ, что въ оное приведенъ его словами: успокойся дражайшій Абдераимъ! сказалъ онъ мнѣ, меня обнимая, Принцесса Каризмская не въ числѣ моихъ супругъ; Султанша мать ея была мнѣ сестра; въ сералѣ моемъ находится она весьма страннымъ образомъ.

Толь неожидаемое объявленіе возвратило мнѣ жизнь; и какъ Султанъ оставилъ меня с нею на единѣ, то я разсказалъ ей случившіяся со мною послѣ нашей разлуки приключенія. Она имъ весьма удивлялась, и послѣ того по просьбѣ моей разсказала мнѣ, что съ ней произходило, слѣдующимъ образомъ:

Исторія Принцессы Царатъ-Алъ-Ріяды, повѣствуемая Абдераимомъ.

Ты легко познать можешь, дражайшій Абдераимъ! говорила мнѣ Принцесса, сколь велика была моя печаль, когда ты съ Муйядомъ не возвратился ко мнѣ въ тотъ вечеръ, въ который васъ вѣроломный корабленачальникъ продалъ. Онъ показывалъ, будто васъ ищетъ; и не имѣя о васъ никакого извѣстія, говорилъ мнѣ съ притворнымъ сожалѣніемъ, что вы конечно отъ берега удалившись, попались тиграмъ, коихъ въ томъ мѣстѣ великое множество. Я словамъ его повѣрила, и отчаяніе мое было столь велико, что твердое положила намѣреніе лишить себя жизни.

Цѣлые три дни не принимала я никакой пищи, сколь много меня сей злодѣй ни уговаривалъ; и какъ онъ старался всячески склонить меня взойти на его корабль, то, видя всѣ прилагаемые имъ къ тому труды тщетными, употребилъ весьма удачливо хитрость: милостивая государыня! сказалъ онъ мнѣ, супругъ твой и сынъ не умерли; я отъ одного изъ здѣшнихъ жителей увѣдомился, что они на отъѣхавшій отсюда послѣдній корабль захвачены; начальникъ онаго привыкъ производить такія злодѣйства; я знаю, что онъ человѣкъ весьма безчестный; корабль мой гораздо легче его, я совсѣмъ уже готовъ къ выходу, и льщусь, что догоню его, прежде нежели взойдетъ въ какую гавань, и хочу лучше жертвовать моею жизнію, нежели стерпѣть толь чувствительное оскорбленіе, мнѣ имъ причиненное.

Прельстясь толь честнымъ по наружности намѣреніемъ и надеждою увидѣться съ вами, приняла я пищу, взошла къ нему на корабль, и мы немедленно оставили гавань; но чуть только вступили мы въ море, какъ вѣроломецъ, вшедъ въ отведенную мнѣ имъ каюту: объявленное тебѣ, сказалъ мнѣ, о похищеніи твоего супруга и сына мною выдумано; они въ самомъ дѣлѣ растерзаны тиграми; но я почиталъ за безчеловѣчіе допустить тебя терзаться жесточайшею печалію; оная трогала меня тѣмъ болѣе, что я чувствую къ тебѣ сильнѣйшую страсть, и только отъ тебя самой зависитъ наградить сію потерю, удостоя меня пріятіемъ себѣ въ супруга.

Сіе

Сіе изъясненіе сдѣлало меня неподвижною. По томъ разсуждая о его поступкѣ: ахъ, злодѣй! вскричала я, теперь довольно вижу, что ты причиною лишенія жизни, или свободы моего супруга и сына; ты почиталъ ихъ конечно непобѣдимыми препятствіями мерзостнымъ твоимъ желаніямъ; но знай, что я съ охотою претерплю мучительнѣйшую смерть, нежели соглашусь на удовольствіе ужасныхъ твоихъ предпріятій.

Онъ, будучи весьма горячій человѣкъ, не могъ безъ ярости снести толь жестокаго выговора. Я даю тебѣ часъ сроку на размышленіе о предлагаемомъ мною тебѣ, сказалъ онъ мнѣ съ наполненными яростію очами; по прошествіи же сего времени страшись дѣйствій справедливаго моего гнѣва и мщенія. Раздраженная моя любовь не будетъ болѣе имѣть ни малѣйшей въ разсужденіи тебя умѣренности.

По сихъ словахъ вышелъ онъ изъ моей каюты, и оставилъ въ несноснѣйшемъ состояніи. Я проливала горчайшія слезы; и какъ назначенный имъ мнѣ срокъ приближился, то я отъ всего моего сердца призывая Пророка на помощь, почувствовала себя вдругъ укрѣпленною отъ всѣхъ предпріятій моего мучителя; мужество мое умножалось отъ часу болѣе, и я искала въ стоящихъ въ каютѣ моемъ сундукахъ какого нибудь оружія. По щастію нашла саблю; съ нею ожидала пришествія моего злодѣя, твердое положа намѣреніе лишить его жизни. Я стала за дверьми, которыя онъ накрѣпко заперъ. Онъ исполнилъ свое слово, и чуть только по прошествіи даннаго мнѣ имъ срока показался онъ ко

мнѣ въ каюту, то я однимъ махомъ срубила ему голову, и взявъ оную за волосы, вышла на палубу, и бывшимъ тамъ говорила такъ: вотъ голова безчестнаго вашего предводителя; инымъ образомъ не могла я поступить съ такимъ злодѣемъ, который, лиша жизни, или вольности моего супруга и сына, хотѣлъ Принцессу Каризмскую лишить чести, которая ей всего дороже на свѣтѣ.

ВЕЧЕРЪ LXXXI.

Продолженіе исторіи Царать-Аль-Ріяды, повѣствуемой Абдерахмомъ.

Корабленачальникъ былъ конечно не весьма любимъ своими подчиненными; потому что никто не раздражился симъ моимъ съ нимъ поступкомъ; но напротивъ того долженствующій вступить на его мѣсто отвѣтствовалъ мнѣ такъ: милостивая государыня! нѣтъ ни одного на семъ кораблѣ человѣка, которой бы не готовъ былъ къ оказанію должнаго полу и состоянію твоему почтенія. Естьли бы злосердыя намѣренія нашего предводителя были намъ извѣстны, то могу тебя увѣрить, что, не взирая на всю его власть и богатство, принадлежащее ему на семъ кораблѣ большею частію, не могъ бы онъ разполагать тобою по своему произволенію; а чтобы доказать тебѣ почтеніе, то удостой насъ, чтобы мы единственно въ твоихъ повелѣніяхъ состояли.

Я еще не успѣла на толь вѣжливое и неожидаемое изъясненіе отвѣтствовать, какъ всѣ

находя-

находящіеся на кораблѣ люди подняли превеликій крикъ, изъявляющій согласіе ихъ на предложеніе сего чиноначальника; и какъ всякой подходилъ ко мнѣ съ радостнымъ поздравленіемъ, то почла за непристойность отъ отдаваемой мнѣ чести отрицаться. Дражайшій Абдерямъ! продолжала Принцесса, ты легко можешь познать, въ какую радость, но притомъ и смятеніе была я тѣмъ приведена. Я тотчасъ собрала совѣтъ, и просила ихъ о избраніи себѣ кораблеправителя, и съ великимъ удовольствіемъ узнала, что къ тому назначенъ былъ тотъ, который говорилъ мнѣ толь лестную рѣчь.

Новый кораблеправитель, вступя въ сіе достоинство, приказалъ тѣло предшественника своего разрубить на четыре части и бросить въ море; по томъ спрося меня, въ которую сторону желаю я ѣхать, и узнавъ отъ меня, что я весьма рада буду, естьли направятъ путь въ ближайшую отъ Каризма гавань, исполнилъ немедленно мое требованіе; и мы около двухъ мѣсяцовъ плыли весьма благопріятнымъ вѣтромъ; но принуждены будучи остановиться въ одной знакомой матросамъ гавани для запасенія себя съѣстными припасами, произошло съ нами весьма забавное приключеніе.

Кораблеправитель намѣрился купить нѣсколько невольниковъ, которыми въ семъ мѣстѣ производился великій торгъ. Двое тамошнихъ жителей, одинъ именемъ *Окиланъ*, то есть *летучій змѣй*, а другой *Ильдиримъ*, то есть *громъ*, будучи весьма худаго состоянія, возъ-

имѣли другъ къ другу толь сильную ненависть, что положили украсть другъ у друга женъ и продать ихъ на нашъ корабль, и исполнили почти въ одно время. Окиланъ, возвратившись ночью въ домъ къ Ильдириму, увелъ у него жену, и угрожая ее лишенiемъ жизни, естьли скажетъ кому нибудь, что она вольная, привелъ ее къ нашему корабленачальнику и просилъ за нее сто золотыхъ. Онъ удивляясь толь высокой цѣнѣ, говорилъ Окилану, что онъ только лишь купилъ за половинную цѣну невольницу гораздо моложе и прекраснѣе. Этому не льзя статься, говорилъ Окиланъ, наши жители великiе знатоки въ хорошихъ женщинахъ, и конечно не продали бы тебѣ за такую малую сумму; а естьли то правда, то я и эту продамъ тебѣ за ту же цѣну. Мнѣ не трудно тебя въ томъ удостовѣрить, сказалъ корабленачальникъ. И тогда приказалъ привести купленную имъ невольницу. Окиланъ пришелъ въ величайшее удивленiе и сердце, видя въ сей невольницѣ свою жену, и познавъ, что продана она Ильдиримомъ; но сколь ни много былъ онъ симъ произшествiемъ тронутъ; однако не столько помышлялъ о избавленiи ея отъ рабства, сколько старался склонить его купить у него жену его непрiятеля хотя за что нибудь, дабы лучше обѣ онѣ находились въ рабствѣ, и не одному ему единоземцы его смѣялись.

Между тѣмъ, какъ сiе толь странное дѣйствiе на кораблѣ у насъ произходило, Ильдиримъ веселился чрезмѣрно толь чувствительнымъ отмщенiемъ своему непрiятелю; но съ какою печа-

печалію увѣдомился онъ, возвратясь домой, что въ то время, какъ онъ ходилъ къ Окилану, жена его была насильнымъ образомъ уведена, и онъ не сомнѣвался, чтобы тому причиною не былъ его непріятель. Въ разсужденіи того прибѣжалъ онъ къ намъ на корабль въ ту самую минуту, когда Окиланъ торговалъ у нашего корабленачальника свою жену. Сіи два человѣка, увидя другъ друга, возпалились жестокою яростію, повергли въ море, и по видимому ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ непріятеля своего оставить, пока его не утопитъ; но они оба погибли, не взирая на то, сколь ни много старались подать имъ помощь и вытащить ихъ изъ воды.

Увѣдавъ о семъ толь странномъ приключеніи, приказала я кликнуть къ себѣ ихъ женъ, и послала за Комендантомъ того мѣста съ тѣмъ, чтобы ихъ ему отдать, обѣщая заплатить за нихъ нашему корабленачальнику издержанныя на нихъ деньги; но онѣ казались мнѣ толь недовольны своими мужьями, и вообще всѣми обывателями сего мѣста, что просили меня неотступно взять ихъ съ собою вмѣстѣ.

Какъ у нихъ дѣтей не было, и Комендантъ отъѣзду ихъ не сопротивлялся, то я удержала ихъ у себя, и обѣщала сдѣлать щастливыми, когда въ Каризмъ возвратимся. Спустя по томъ нѣсколько часовъ, отправились мы въ путь, и увѣдавъ отъ нихъ, что на одной въ двенатцати миляхъ отъ сей гавани лежащей горѣ жилъ пустынникъ, которой будущее предска-

сказывалъ, вознамѣрилась я къ нему заѣхать и спросить о дражайшемъ моемъ Абдераимѣ.

Я поѣхала къ нему, продолжала Принцесса, и нашла его въ пещерѣ почти при послѣднемъ издыханіи. Я не успѣла еще ни одного сказать ему слова, какъ онъ, увидя меня, говорилъ такъ: милостивая государыня! ты знаешь, что тебѣ еще долгое время должно быть съ твоимъ супругомъ и сыномъ въ разлученіи. Теченіе сего времени покажется тебѣ краткимъ только потому, какимъ образомъ препроведешь оное; возвратясь на корабль, подари весь грузъ находящимся на ономъ людямъ, потому что они сдѣлали тебя своею повелительницею; раздай остальныя свои драгоцѣнныя каменья чиновнымъ, и приди по томъ въ сіи мѣста съ сими двумя женщинами; здѣсь найдешь всевозможное облегченіе въ своихъ нещастіяхъ.

Сей совѣтъ, сказала мнѣ тогда Царатъ-Алъ-Ріяда, привелъ меня въ крайнее удивленіе; но я тотъ же часъ исполнила по оному съ точностію. Возвратилась на корабль, сдѣлала все имъ мнѣ повелѣнное, и не взирая на усильныя старанія, и прозьбы моихъ сопутниковъ, не хотѣла премѣнить своего предпріятія, и требовала отъ нихъ, чтобъ они то мѣсто поскорѣе оставили.

По отбытіи ихъ пошла я къ жилищу того почтеннаго старца; но представь себѣ, въколь великое удивленіе и скорбь приведена была, видя, что онъ языка и почти уже и жизни лишился. Тогда взошла я на самый верьхъ горы въ томъ

намѣ-

намѣреніи, чтобы кораблю моему подать нѣкоторый знакЪ; но оный уже вЪ толь дальномЪ отЪ берега разстояніи находился, что я совсѣмЪ потеряла надежду вступить обратно на оный, и предалась жесточайшему отчаянію.

Бывшія со мною двѣ женщины, присовѣтовавшія мнѣ кЪ сему старцу ѣхать, пришли вЪ великое смятеніе; но видя, что отЪ злощастія нашего ничѣмЪ не можемЪ болѣе уклониться, старалась всячески ихЪ ободрить. Мы возвратились кЪ пустыннику вЪ пещеру, и пришли туда вЪ ту самую минуту, когда сей почтенный старецЪ разлучился сЪ свѣтомЪ.

ВЕЧЕРЪ LXXXII.

Продолженіе исторіи ЦаратЪ-АлЪ-Ріяды, повѣствуемой АбдераимомЪ.

КакЪ мы должны были сего произшествія ожидать ежечасно, то кончина сего старца не столько насЪ устрашила, сколько обезпокоила; потому что не знали мы, какимЪ образомЪ сдѣлать ему похороны; и между тѣмЪ, смущаясь симЪ случаемЪ, и уставЪ отЪ претерпѣнныхЪ нами вЪ тотЪ день трудовЪ, заснули мы весьма крѣпко. Не могу я сказать, сколь дологЪ былЪ нашЪ сонЪ; но кажется вЪ самую глухую полночь услышала я вЪ просонкахЪ нѣкоторый голосЪ. Я пробудилась, отворила глаза, и увидѣла, что пещера освѣщаема была болѣе, нежели ста лампадами, отЪ коихЪ толь великій происходилЪ свѣтЪ, что я вдругЪ помрачилась.

Я разбудила потихоньку двухЪ моихЪ женщинЪ, которыя подлѣ меня лежали. Сіе толь странное позорище ихЪ удивило; удивленіе наше умножилось еще болѣе, когда вЪ пещеру вошли шесть юношей вЪ бѣлой одеждѣ и чрезмѣрной красоты; они отнесли тѣло пустынниково кЪ находящемуся подлѣ одной двери его пещеры источнику, гдѣ, обмывЪ его, обернули вЪ полотно, и по томЪ положили опять на его постель.

Для чего, сказалЪ тогда одинЪ изЪ сихЪ юношей, не похороняемЪ мы сего правовѣрнаго? Мы ожидаемЪ, отвѣтствовалЪ на то другой, достойнаго племянника великаго Альроамата; онЪ самЪ назначитЪ намЪ мѣсто, гдѣ положить тѣло сего святаго мужа; онЪ конечно придетЪ сюда скоро. ВЪ ожиданіи же его простремЪ ко Всесильному наши молитвы о призрѣніи на сего добродѣтельнаго пустынника милосердымЪ окомЪ.

Тогда сіи юноши воспѣвали нѣкоторые стишки изЪ нашего священнаго Алкорана сЪ восхитительною пріятностію. Спустя сЪ полчаса пришелЪ туда ожидаемый ими мудрецЪ, и они всѣ пали предЪ нимЪ на землю.

ПлемянникЪ АльроаматовЪ, отЪ лица коего толь великое происходило сіяніе, что мы не могли на него смотрѣть, проговоря нѣкоторую молитву о умершемЪ пустынникѣ, указалЪ имЪ пальцомЪ на тотЪ уголЪ, гдѣ мы лежали, и повелѣлЪ имЪ поднять находящійся тамЪ большой камень, на которомЪ изсѣчено опредѣленіе Алкорана. Сіи юноши, которые насЪ еще не видали, подошли кЪ тому мѣсту, и разполагались

лись приступить ко исполненію повелѣній сего мудреца, какъ вдругъ, увидя насъ на семъ камнѣ, пришли въ не малое о томъ удивленіе. Конечно вы сихъ трехъ женъ испугались? сказалъ имъ тогда племянникъ великаго Альроамата: попросите ихъ встать; онѣ не безъ причины зашли въ сію пещеру. Мы тотчасъ встали; двое изъ юношей подняли камень, а прочіе четверо взяли тѣло пустынниково, и въ провожаніи мудреца понесли оное внизъ чрезъ лѣстницу, также освѣщаемую множествомъ лампадъ. Какъ я уже къ таковымъ чудесамъ начала привыкать, продолжала Царатъ-Алъ-Ріяда, то взявъ двухъ моихъ женщинъ за руки, пошла за ними; пустынникъ положенъ былъ въ мраморную гробницу, стоящую посреди великолѣпнаго зала; и чуть только кончилась сія церемонія, то всѣ свѣчи загасли, и мы ни малѣйшаго стука не услышали.

ВЕЧЕРЪ LXXXIII.

Конецъ исторіи Принцессы Царатъ-Алъ-Ріяды, повѣствуемой Абдераимомъ.

Тогда то пришли мои женщины въ величайшій страхъ; и признаюсь, что я также въ неменьшемъ безпокойствіи находилась; но, положась во всемъ на нашего Пророка, просила его не оставить меня въ таковомъ плачевномъ состояніи; и чуть только произнесла трижды таинственныя слова волшебницы Мергіанъ-Бану, какъ вдругъ увидѣли мы себя въ прекрасномъ саду, въ которомъ вмѣсто солнца произходилъ

отъ

отъ безъизвѣстнаго намъ воздушнаго знака весьма великій свѣтъ; оный представлялъ кругъ темноголубый и усѣянный звѣздами, изъ коихъ средняя была всѣхъ больше, и казалась повелительницею прочихъ; всѣ же онѣ изпускали свѣтъ, подобный утренней зарѣ, когда солнце на горизонтѣ земный возходить начинаетъ, но только несравненно большій. Толь странное зрѣлище привело насъ въ удивленіе, какъ вдругъ изъ украшенной померанцовыми деревьями бесѣдки вышла къ намъ женщина величественнаго вида. Она къ намъ приближилась, и обнявъ меня съ особливою лаекою: Принцесса Каризмская! сказала мнѣ, я волшебница Мергіанъ-Бану, защищавшая Абдераима; я не могла сопротивляться опредѣленному судьбами въ разсужденіи его и тебя; мнѣ позволено только услаждать ваши прискорбія; вы останетесь въ сихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока придетъ время соединиться тебѣ съ твоимъ супругомъ; дни будутъ здѣсь толь кратки, что сколь бы ни великую нетерпѣливость имѣла увидѣться съ любимымъ тебѣ предметомъ; однако не будешь имѣть никогда скучнаго времени. И въ самомъ дѣлѣ, продолжала Царатъ-Алъ-Ріяда, препроводила я во дворцѣ сей волшебницы цѣлыя семь лѣтъ, которыя показались мнѣ семью недѣлями, и сія благотворная Перица старалась подавать мнѣ толь чувствительныя забавы, и разговоры ея были столь пріятны и поучительны, что я не могла разстаться съ нею безъ крайняго сожалѣнія. Тому дни съ четыре увѣдала я отъ нее съ удивленіемъ, что

срокъ

срокъ моего съ тобою соединенія приближается. Сіе причинило мнѣ неописанную радость. Поди, сказала она мнѣ, поди соединиться съ супругомъ, тобою обожаемымъ; я въ сію минуту повелю пренести тебя въ сераль Султана Тангутскаго, твоего дяди. Племянникъ славнаго Альроамата, коего вы въ пещерѣ добродѣтельнаго пустынника видѣли, согласясь со мною, объявилъ ему во снѣ о твоемъ прибытіи, также и Абдераима, который въ непродолжительномъ времени приведенъ къ нему будетъ гораздо чуднѣйшимъ образомъ. Вскорѣ по томъ найдете вы своего сына въ недостойномъ природы его состояніи; но сколь оное ни опасно, однако склонности его ни мало не повредились.

И въ самомъ дѣлѣ, преславныя Перицы! продолжалъ Абдераимъ, все произошло по предсказанію добродѣтельной волшебницы; и тому прошло не болѣе сутокъ по найденіи моемъ дражайшей Царатъ-Алъ-Ріяды, какъ мы, прогуливаясь по саду Тангутскаго Султана, подхвачены были духами, вамъ повинующимися, и принесены менѣе двухъ минутъ въ сіи великолѣпные чертоги, гдѣ наконецъ обрѣли возлюбленнаго нашего Муйяда.

Государь! сказалъ тогда Кофробъ Абдераиму, я могу тебя увѣрить, что мы всѣ особливое чувствовали удовольствіе отъ повѣствованія твоихъ и супруги твоей приключеній, и что мы, зная чрезмѣрное ваше желаніе къ Султану Каризмскому возвратиться, повелимъ все нужное къ путешествію вашему исполнить; но теперь время

мя успокоиться, и завтрашній день долженъ наполненъ быть толь странными дѣлами, что вы конечно не поскучите быть свидѣтелями оныхъ. И такъ прошу васъ и всѣхъ находящихся здѣсь Принцовъ и Принцессъ о присутствіи при семъ случаѣ. По сихъ словахъ всѣ разошлись; Иманъ же приказалъ въ напитки, поданные комедіянтамъ, примѣшавъ буенгу, и каждому во время ихъ сна положа въ карманъ по двѣсти золотыхъ, отнести ихъ въ караванъ-сераль Камбайскій, выключая Ильдицы и Массуда; Муйядъ же перешелъ въ покои своихъ родителей съ самаго прибытія.

LXXXIV. И ПОСЛѢДНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Заключеніе исторіи Султана Огуца и пяти его Султаншъ.

Наконецъ насталъ день, назначенный Огуцомъ для объявленія его духовной. Кофробъ взошелъ въ залъ въ провожаніи Султаншъ, Принцессы Аксу, Принцовъ Ширина и Батфала; прочіе же иностранные Принцы и Принцессы, такожъ Ильдица и Массудъ, тамъ уже всѣ собрались и его ожидали. Уже приближилось то время, началъ онъ тогда свою рѣчь, чтобы мечта всѣхъ васъ была разрушена; вы не въ Гиннистанѣ, какъ то необходимо должны были думать; но находитесь вы въ сералѣ Султана Камбайскаго, который тому уже ровно четыре мѣсяца сокрылся отъ очей своихъ Султаншъ и дѣтей; и естьли въ сихъ мѣстахъ чудесныя дѣла произходили, то причиною тому власть, полу-

полученная мною посредствомъ кольца Соломонова, которое вы на рукѣ у меня видите; всякому изъ васъ извѣстно, сколь великое дѣйствіе оный имѣетъ; потому что обладателю онымъ подвержена вся природа, и онъ повелѣваетъ стихіями и обитателями оныхъ съ таковою властію, каковую надъ оными имѣлъ сей Султанъ въ разсужденіи своего знанія и безпримѣрной мудрости Отецъ, зная мою способность, вручилъ мнѣ по сей день верьховную власть, которую теперь хочу отдать тому, кому она принадлежитъ по законамъ; но прежде всего хочу знать о томъ мнѣнія Султаншъ.

Тогда четыре первыя Султанши, воспомня о лишеніи своемъ любезнаго имъ Султана, не могли удержать потоки слезъ горчайшихъ.

Великій Кофробъ! сказала наконецъ Гегернаца, память дражайшаго намъ на вѣки Государя и супруга толь для насъ драгоцѣнна, что ни одна изъ насъ не пожалѣетъ жертвовать своею жизнію, естьли только можетъ возвратить его на свѣтъ; Геанзуца, Невбагара, Шебгераца и я желаемъ того единодушно. Естьли же онѣ не столь печальными казались, то прискорбіе ихъ было не менѣе чувствительно и искренне; и такъ, видя насъ въ таковомъ состояніи, разсуди, можемъ ли когда нибудь согласиться вступить съ кѣмъ другимъ въ супружество. Нѣтъ, Государь! не оскорбляй насъ и единою о томъ мыслію. Мы всѣ силы свои прилагали, чтобы и Гуль-Саба была въ томъ съ нами согласна, и оставила страсть свою къ недостойному ее человѣку; не менѣе желали мы, чтобы и Принцъ Батфалъ былъ не столь много прельщенъ мла-

дою Ильдицею; но представленія о томъ наши не имѣли надъ ними ни малѣйшаго дѣйствія. Гуль-Саба столь много заражена Массудомъ, что требуетъ только своего съ нимъ соединенія; а сынъ ея, последуя примѣру своей матери, столь сильно возпламененъ Ильдицею, что обоихъ ихъ не можно никоимъ образомъ привести хотя въ малѣйшее разсужденіе о предпріемлемомъ ими.

Вотъ, премудрый старецъ! наши мнѣнія; и какъ произходившими въ очахъ нашихъ посредствомъ тебя чудесами мы точно удостовѣрены, что ты любимъ нашимъ Пророкомъ: то просимъ тебя чистосердечно изходатайствовать намъ у него ту милость, чтобы взялъ насъ съ сего свѣта; съ самой кончины дражайшаго нашего супруга кажется намъ въ немъ все несносно, и ни малѣйшаго желанія не имѣемъ жить еще долѣе. Сіе прошеніе, добродѣтельныя Султанши! будетъ ему конечно весьма не пріятно, и я не могу о томъ и думать; напротивъ того да мечь смертоносиаго Ангела отвратится отсюда въ вашу пользу!...... Сколь безразсудны Султанши! прервала тогда Гуль-Саба рѣчь Иманову; онѣ желаютъ смерти для того, что лишились супруга; я же съ сыномъ моимъ совсѣмъ другія приняла въ разсужденіи того мѣры; и не взирая на всѣ ихъ представленія, чувствуемъ мы, что безъ соединенія нашего съ Ильдицею и Массудомъ нѣтъ для насъ болѣе никакого щастія на свѣтѣ, и ничто не можетъ отвратить насъ отъ сего намѣренія. Изрядно же, сказалъ тогда Кофробъ; когда вы безъ всякаго размышленія о непристойныхъ своихъ намѣреніяхъ упорствуете въ своемъ ослѣпленіи: то разпечатаемъ теперь ду-

духовную Султана Гузаратскаго и исполнимъ его повелѣнія, сколько къ тому силъ нашихъ достанетъ. Пожалуй, подхватила тогда Гуль-Саба; я всегда сей минуты съ нетерпѣливостію ожидала. Я всѣхъ васъ удовольствую, сказалъ Иманъ; и показавъ тогда всѣмъ Султаншамъ, что Султанская печать цѣла, разломивъ оную, и вынявъ изъ пакета листъ, читалъ въономъ слѣдующее:

Великій нашъ Пророкъ открылъ мнѣ предъ моимъ разлученіемъ съ вами, дражайшія Султанши! нѣкоторую часть того, что въ семъ сералѣ позпослѣдуетъ. Султанъ Ормуцкій пріѣдетъ въ оный; любовь его къ Принцессѣ Аксу, моей дочери, угодна Магомету; пускай они будутъ соединены въ сію минуту, и сей Государь да сниметъ съ нее ея покрывало.

Подойди сюда, Государь! сказалъ тогда Кефробъ Султану Кацанъ-Кану, и прими изъ рукъ моихъ Принцессу, которую Огуцъ даетъ тебѣ въ супруги. Естьли цѣломудріе и стыдливость не дозволяли ей до сихъ самыхъ поръ открыть тебѣ своихъ чувствій, то нынѣ можетъ сказать тебѣ свободно, есколь много ты ей милъ и драгоцѣненъ.

Кацанъ-Канъ былъ приведенъ въ такое изумленіе, что согласно съ прочими Принцами заключалъ, что все произходившее есть дѣйствіемъ сна; но премудрый Иманъ, во внутренность сердецъ проницая, вывелъ его вскорѣ изъ сего заблужденія. Все сіе не мечта, сказалъ онъ ему, какъ ты, Государь! то думаешь; ты въ сію же минуту станешь супругомъ Принцессы

Гузаратской, естьли только того желаешь. Естьли я того желаю? вскричалъ Кацанъ-Канъ. Ахъ, премудрый старецъ! тебѣ чрезмѣрность страсти моей извѣстна; знаешь и то, чтобы лишился жизни, естьли бы тому божественная Аксу хотѣла сопротивляться. Я не только не имѣю къ тому ни малѣйшаго отвращенія, сказала на то сія Принцесса съ особливою вѣжливостію; но смѣю сказать, чтобы я никогда не могла быть щастлива, естьли бы повелѣнія Султана моего родителя не согласовались съ сердечными моими чувствами. Ормуцкій Султанъ слыша толь лестное признаніе, пришелъ въ восхищеніе, поцѣловалъ у Принцессы руку, и послѣ того Иманъ, соединя ихъ непрерывнымъ союзомъ, сказалъ, что станетъ продолжать чтеніе духовной Огуцовой, въ разсужденіи чего всѣ глубокое молчаніе наблюдали, и онъ продолжалъ такъ:

Мои Султанши, коихъ милосердію Всесильнаго поручаю, могутъ съ сей самой минуты пользоваться данною имъ отъ меня свободою въ разсужденіи расположенія собою; я прерываю всѣ узы, со мною ихъ соединяющія; только да потщатся рачительно не навлечь себѣ безчестія недостойнымъ избраніемъ; естьли же которая изъ нихъ позабудетъ, что была Гузаратскаго Султана супругою, то Иманъ да сочетаетъ ее бракомъ, и она должна оставить немедленно сераль, дабы присутствіемъ своимъ не привесть всѣхъ другихъ въ стыдъ.

По сихъ словахъ Гуль-Саба, взявъ Массуда за руку: вотъ наслѣдникъ избранный мною Султану

тану Гузаратскому, сказала съ насмѣшкою, которая другихъ Султаншъ привела въ неописанное прискорбіе; я очень мало уважаю нравоученіемъ Огуцовымъ; и какъ намѣрена сіи печальныя мѣста оставить, то признаюсь откровенно, что мнѣ здѣшняя жизнь казалась всегда несносною, и естьли бы не удерживаема была властію Султана, то бы при жизни его здѣсь не осталась, а по кончинѣ его и помышлять о томъ не хочу.

Султанши пріуготовлялись уже чинить Гуль-Сабѣ жесточайшіе выговоры; но Кофробъ удержалъ ихъ отъ того. Пускай она удовлетворяетъ свои желанія, сказалъ онъ имъ; она тѣмъ самымъ наказывается, что позволено ей приводить себя въ безчестіе. По сихъ словахъ, соединя онъ ее съ Массудомъ, продолжалъ читать:

Ширинъ приметъ по мнѣ престолъ. . . Что же касается до Батфала, то онъ, будучи не мой, но музыкантскій сынъ, не принуждаетъ меня о немъ иступаться.

Сія статья привела Султаншъ въ толь великое удивленіе, что онѣ не въ силахъ были сокрыть онаго. Батфалъ не Огуцовъ сынъ? вскричали онѣ. Конечно онъ не его сынъ, подхватила Гуль-Саба, позабывъ всѣ права стыдливости и благопристойности; прежде еще вступленія моего въ сераль имѣла я у себя любовника, и я уже была брюхата, когда попалась къ Султану. И такъ одна имѣя право разполагать моимъ сыномъ, на бракъ его съ Ильдицею согласуюсь, и прошу Имана соединить ихъ теперь же.

Кофробъ исполнилъ тотчасъ требованіе Гуль-Сабы. Какъ мы теперь всѣ довольны, вскричала она, то я съ сыномъ изъ сей ужасной темницы хочу выттти. Ничто тебѣ въ томъ не препятствуетъ, сказалъ ей на то Иманъ. Естьли Султанъ Гузаратскій даетъ тебѣ на то позволеніе, то думаю Шдринъ не возпротивится въ томъ женѣ Массудовой. И какъ мы, продолжалъ Кофробъ, приступаемъ къ разрѣшенію сей исторіи, то теперь же увидите, отъ кого всѣхъ васъ судьбина зависитъ. Въ ту минуту находящаяся въ мечеть дверь растворилась и Султанъ Огуцъ показался.

Нѣтъ выраженій къ изъясненію, что почувствовали тогда Султанши. Первыя его супруги, узря дражайшаго для нихъ на свѣтѣ человѣка, стали вдругъ отъ радости безмолвны и непоколебимы; Гуль-Саба же пришла отъ того въ такое смятеніе, что чуть было отъ страха не лишилась жизни, а Батфалъ походилъ на истукана.

Султанши! началъ говорить Огуцъ, я еще не вступилъ въ бездну ничтожества; я прежде хотѣлъ точно познать чистоту сердецъ вашихъ; до того достигъ я нынѣ притворною кончиною, во время которой ниже одно слово ваше мнѣ не безъизвѣстно: вотъ все таинство; прочее же производилъ Иманъ. Сіи слова, возвратившія четыремъ его Султаншамъ жизнь, которой онѣ съ охотою лишиться желали, усугубили страхъ Гуль-Сабы. Находясь нѣсколько времени въ крайнемъ смятеніи, бросилась она къ ногамъ Султана, и лежала безмолвна, ожидая со страхомъ наказанія за дерзостныя свои о немъ рѣчи. Встань,

не-

недостойная Гуль-Саба! сказалъ ей тогда Султанъ, и престань страшиться казни; хотя подлыя твои поступки и произносимыя тобою многократно поносныя о мнѣ рѣчи и заслуживаютъ смерть; но я не хочу омочить рукъ моихъ въ толь безчестной крови; только позабудь на вѣки, что ты ложе мое раздѣляла, и послѣдуй подлымъ своимъ склонностямъ; будучи дочерью безчестной матери и любовницею музыкантскою, и ставъ нынѣ супругою комедіянта, поди упражняться въ пристойномъ тебѣ ремеслѣ, для котораго ты рождена, и препроводи нещастные свои дни съ достойнымъ сыномъ на театральномъ престолѣ, потому что вы недостойны препроводить оные на престолѣ Гузаратскомъ. Ты же, премудрый Куфробъ! коего неограниченная власть мнѣ извѣстна, удали на вѣки отъ взоровъ моихъ терзающіе меня предметы, и чтобы они съ отосланными въ караванъ-сераль комедіянтами пренесены были отсюда такъ далеко, чтобы я о нихъ никогда не могъ слышать.

Чуть только Огуцъ престалъ говорить, какъ къ величайшему удивленію зрителей, Гуль Саба, Массудъ, Ильдица и Батфалъ сокрылись вдругъ изъ зала. Дражайшія Султанши! сказалъ тогда Огуцъ, обратясь къ другимъ Султаншамъ, проливая слезы; простите мнѣ мои слабости въ разсужденіи Гуль-Сабы и ея сына; онѣ довольно показываютъ вамъ бѣдность человѣка, сколь легко можетъ онъ обмануться; возвратите мнѣ всю прежнюю вашу ко мнѣ горячность, естьли поступки мои могли уменьшить оную. Ни мало, Государь! отвѣтствовала Гегер-

гернаца; я ручаюсь тебѣ и за трехъ Султаншъ, что мы всѣ ни на одну минуту не переставали любить тебя до крайности и съ прежнею искренностію. Дай Боже, чтобы время, все разрушающее, не лишило насъ тѣхъ прелестей и пріятностей, которыя сперва привлекали на насъ всѣ твои взоры и попеченія! Дай Боже, чтобы мы могли тебѣ угодить, въ какой бы глубокой старости ты ни находился! Ахъ! вскричалъ Огуцъ, это совсѣмъ не нужно, прекрасная Гегернаца! съ тѣхъ поръ, какъ ослѣпленіе мое миновалось, и я началъ пользоваться моимъ разсудкомъ, вы всѣ кажетесь мнѣ толь же много любви достойными, какъ и въ первый день моего съ вами свиданія; и пускай великій нашъ Пророкъ накажетъ меня мучительнѣйшею смертію, естьли когда нибудь хотѣлъ вамъ измѣнить. Что же касается до тебя, Султанъ Ормуцкій! продолжалъ онъ: то, испытавъ толь явные знаки милосердія Всевышняго, прими отъ меня дщерь мою Аксу, которую вручаю тебѣ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, понеже премудрый Кефробъ, во внутренности сердецъ проницающій, увѣрилъ меня, что она въ объятіяхъ толь сильнаго Государя будетъ совершенно благополучна. Въ разсужденіи же Принца Висапурскаго и дражайшей его супруги, прошу ихъ о прощеніи меня, что толь долгое время прожили они въ семъ мѣстѣ, которое имъ посредствомъ чрезмѣрной власти премудраго Имана казалось прелестнымъ. Какъ скоро восхотятъ они въ Висапуръ возвратиться, то сей славный Философъ, племянникъ великаго Альроамата, оставившій престолъ Китайскій, и вручившій оный

своимъ

своимъ дѣтямъ для наслажденія самимъ собою, повелитъ ихъ перенести въ ихъ отечество.

Ни одинъ и ни одна Принцесса не могли удержаться, чтобы не показать Султану, сколь великое участіе пріемлютъ они въ случившихся съ нимъ приключеніяхъ, и онъ принялъ то съ особливою ласкою; по томъ, обратясь къ Принцу Ширину: любезный сынъ! сказалъ онъ ему, обнявъ его съ горячностію, научися теперь моимъ примѣромъ; знай, что случаются такія лѣта, въ которыя мы бываемъ всегда обмануты самолюбіемъ, и что мы должны преставать желать нравиться, когда время уже сдѣлало насъ непріятными. Но оставимъ сіе нравоученіе; посвятимъ остатокъ для радости и удовольствію, ощущаемымъ мною, видя Принцессу, дщерь мою, супругою толь великаго Государя.

Вскорѣ послѣ того поставленъ великолѣпный столъ, который даже до глухой полночи продолжался; и Кофробъ, посаженъ будучи подлѣ Султаншъ, велѣлъ какъ имъ, такъ и Султану подать шербету, сдѣланнаго изъ воды, взятой изъ источника, доброта котораго ему только одному была извѣстна. Чуть они онаго выпили, то, взирая одна на другую и взглянувъ на Огуца, стали отъ удивленія непоколебимы: мужественная красота украшала лице его; онъ почувствовалъ себя совсѣмъ инымъ, нежели какимъ былъ за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ; со всѣми пріятностями младости ощущалъ въ себѣ паки силу и бодрость тритцатилѣтняго человѣка; и Султанши увидѣли въ себѣ ту же красоту и тѣ же пріятности, коими обладали онѣ, когда съ Султаномъ Гузаратскимъ сочетались. Удивленіе ихъ было столь велико,

что онѣ долгое время не могли ни слова промолвить и возблагодарить за то Иману; но наконецъ собравшись съ силами: премудрый старецъ! говорили ему, ты тѣмъ не удовольствовался, что возвратилъ намъ сердце Огуца; но ты хотѣлъ усыпать насъ неудобоописываемыми благодѣяніями, наградилъ насъ тѣми же прелестями, которыми поправиться можемъ, и которыя уже изтреблены были временемъ; а чтобы удовольствіе было взаимное, то и дражайшему нашему супругу то же возвращаешь; какимъ же благодареніемъ мы тебѣ за то обязаны? Нѣтъ такого на свѣтѣ, чмѣъ бы могли воздать тебѣ за толикія благодѣянія? Прекрасныя Султанши! отвѣтствовалъ Кофробъ, я болѣе ничего не сдѣлалъ, какъ только прогналъ тьму отъ очей Огуца въ разсужденіи Гуль-Сабы и Батфала, которые теперь со всею своею шайкою находятся у вратъ Бальзорскихъ. Но я жалѣю, для чего вмѣсто данной вамъ мною воды Юванской не напоилъ васъ изъ источника Голлатскаго, котораго Великій Монархъ Гулкарнеинскій искалъ тщетно, и которымъ Кедгеръ пользуясь, сдѣлался безсмертнымъ; однако Богъ посылаетъ милость сію немногимъ изъ своихъ любимцовъ; всѣ мы раждаемся для того, чтобы умереть; и понеже зерцало Александрово разбито, то мы не должны болѣе льститься безсмертіемъ, которое приписывали только одной сей вещи, съ коею и щастіе города Александріи соединено было. Потщимтесь въ теченіе нашей жизни производить всевозможныя благодѣянія; онѣ приведутъ насъ въ жилище прохладъ, обѣщанныхъ намъ Пророкомъ и уже видѣнныхъ Абдераимомъ,

и

и повѣствованіе его о томъ достойно нашего вниманія, дабы и намъ сдѣлаться участниками сего блаженства.

Султанъ изъяснялъ также Кофробу, сколь чувствительно тронутъ онъ его благодѣяніями; послѣ чего говорилъ ему такъ: естьли бы безъизвѣстно мнѣ было сердце Ширина, то бы подумалъ, что теперешнее мое состояіе ему непріятно; прежнія мои лѣта заставили бы другаго, а не его, думать, что уже скоро вступитъ онъ на престолъ Гузаратскій. Самая мнимая смерть моя подаетъ ему на мои государства такое право, котораго лишаю его съ прискорбіемъ. Но естьли ты, великой Кофробъ! возвратя мнѣ всѣ преимущества юности, казалось, хотѣлъ удалить его надежды: то думаю, не похулишь моего намѣренія сдѣлать его соучастникомъ престола; и теперь же объявляю, что хочу раздѣлить съ нимъ Гузаратское государство. Ахъ, милостивый государь! вскричалъ Ширинъ, бросясь къ колѣнамъ Султана: не мни, чтобы, прельстясь нетерпѣливостію къ царствованію, чувствовалъ я хотя малѣйшее прискорбіе, видя тебя въ теперешнемъ состояніи. Да поразитъ меня небо своимъ громомъ, ежели я когда нибудь имѣлъ толь мерзостныя мысли; а чтобы тебя въ томъ подлинно удостовѣрить, то дозволь, чтобы первымъ твоимъ подданнымъ оставшись, показалъ я тебѣ моимъ къ тебѣ почтеніемъ, послушаніемъ и повиновеніемъ, явные опыты малаго моего къ царствованію желанія. Нѣтъ, любезный сынъ! прервалъ его рѣчь Огуцъ, я не могу на прозьбу твою согласиться; сердце твое мнѣ довольно извѣстно, и

я непремѣнно хочу, чтобы ты былъ мой соправитель. Встань! Султану не подлежитъ быть въ таковомъ состояніи; повинуйся мнѣ безъ прекословія въ послѣдній разъ.

Ширинъ, услыша сіе повелѣніе, всталъ и поцѣловалъ съ почтеніемъ у Огуца руку, которой, обнявъ его съ родительскою горячностію, просилъ Кофроба объявить его подданнымъ, на какое достоинство возводитъ онъ своего сына.

Иманъ объявилъ немедленно сіи повелѣнія его Верьховному Визирю съ тѣмъ, чтобы на другой же день обнародовано было; и не можно описать подробно того удовольствія, которое весь народъ отъ того чувствовалъ: оный изъявлялъ то безпрестанными радостными криками; и всѣ иностранные Принцы, будучи цѣлый мѣсяцъ зрителями торжествованій для того установленныхъ, и во все то время изъявляя Гузаратскому Султану и Кофробу знаки чувствительной своей благодарности, объявили наконецъ, что присутствіе ихъ можетъ быть въ государствахъ ихъ нужно.

Премудрый Кофробъ, познавъ ихъ желаніе, повелѣлъ подчиненнымъ ему духамъ пренести всѣхъ въ ихъ земли немедленно: Кодбедина и Канцадею въ Висапуръ; Абдераима и Царатъ-Алъ-Ріяду въ Каризмъ; Цемъ-Алцамана и Цендегруду въ Касгаръ; а Кацанъ-Кана, Аксу, Карабагу, Альбаерта, Гулендаму и Абулъ-Ассама въ Ормуцъ; и каждый изъ нихъ препровождалъ съ своею супругою, подобно какъ Огуцъ съ своими четырьмя добродѣтельными Султаншами, жизнь благополучную даже до глубокой старости.

Конецъ четвертаго и послѣдняго тома.